

Κεφ. κθ'	17 : 120	ἤτοι	14 ⁰ / ₀
» λ'	10 : 66	»	15 ⁰ / ₀
» λα'	6 : 30	»	20 ⁰ / ₀
» λβ'	11 : 61	»	18 ⁰ / ₀

Τὸ δὲ περιεργότερον, ὅτι ὁ Πορφ. καὶ εἰς τὰς ἐπιγραφὰς αὐτὰς τῶν κεφαλαίων ἀρέσκεται νὰ κάμνη παρανομίας εἰς τὸν Meyer: κεφ. ιγ' ἐθνῶν τοῖς Τούρκοις.—κς' ρηγὸς Οὐγῶνος.—λα' οἰκοῦσι χώρας.—λβ' οἰκοῦσι χώρας. Ὡστε ἐκ τῆς ἐξετάσεως αὐτῆς ἀγνοοῦμεν τί πρέπει νὰ συμπεράνη τις· ἡμεῖς νομίζομεν ὅτι δικαιοῦται νὰ εἴπῃ, ὅτι καὶ ὁ Πορφ. ἐφαρμόζει τὸν νόμον τόσον, ὅσον καὶ οἱ συγγραφεῖς τῆς β-ας καὶ γ-ης κατηγορίας. Ἄν τοιαύτη ἐξέτασις ἢ μᾶλλον ἂν ἔτι ἀκριβεστέρα ἐξέτασις γείνη καὶ εἰς τοὺς ἄλλους συγγραφεῖς τῆς πρώτης κατηγορίας τοῦ Α. φοβοῦμαι μήπως ὀλίγοι θὰ εἶνε, οἵτινες θὰ μείνουν πιστοὶ εἰς τὸν νόμον τοῦ Meyer, καὶ οὗτοι δὲ οἱ ὀλίγοι θὰ ἔχωσι ἤσυχον τὴν συνείδησίν των ὅτι οὐδέποτε ἔλαβον γινῶσιν νόμου τινος ρυθμικοῦ, ἀλλ' ἔγραψεν ἕκαστος κατὰ τὸ ἰδιάζον αὐτῶ ὕφος.

Διὰ τῶν παρατηρήσεών μας τούτων δὲν σκοποῦμεν νὰ ἀρνηθῶμεν τὴν ἀξίαν τοῦ ἔργου τοῦ Α., ὑποδεικνύομεν μόνον ὅτι τὸ σπουδαῖον ζήτημα περὶ τοῦ νόμου τοῦ Meyer ἐπιδέχεται συζήτησιν· ἀπαιτεῖται ἀκόμη νὰ γείνη ἐργασία διὰ νὰ φθάσωμεν εἰς ἓν ὀριστικὸν ἀποτέλεσμα· εἰς πᾶσαν δὲ περίστασιν διὰ τὸν μέλλοντα νὰ ἀσχοληθῇ περὶ τοῦ ζητήματος βαθύτερον, αἱ ἔρευναι τοῦ Α. θὰ χρησιμεύσωσιν ὡς βάσις.

Ἐν Ὁδησσῷ Νοέμβριος 1899.

Συνόδης Παπαδημητρίου.

2. ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

РОССИЯ.

Α. Васильевъ, *Греческій текстъ житія сорока двухъ аморійскихъ мучениковъ по рукописи Парижской Национальной библиотеки № 1534*. С.-Петербургъ, 1898. Стр. 17.—Продолжительныя войны византийскаго императора Θεοφιλα (829—842) съ арабами, говоритъ въ предисловіи настоящей брошюры Α. Α. Васильевъ, окончились завоеваніемъ послѣдними города Аморіи, откуда происходила царствовавшая тогда въ Византіи аморійская династія. Послѣ разграбленія города въ 838 году, халифъ Мутасимъ одну часть жителей истребилъ, а другую увелъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находилось много знатныхъ грековъ: патрицій Θεοφιλъ, стратеги Μελισσινъ и Αεцій, протосπαатарій евнухъ Θεοδoρъ Κρατιρъ, турмархъ Καλλις, δρουνгарій Κωνσταντίνъ, δρομεύς Βασσοί и другіе. Исторія ихъ семилѣтняго пребыванія въ плѣну у халифа и ихъ мученическая кончина и послужили темою для весьма распространеннаго разсказа о сорока двухъ аморійскихъ мученикахъ. Свѣдѣній объ ихъ судьбѣ

можно найти достаточно, какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ, еще не изданныхъ источникахъ. Изъ печатныхъ источниковъ извѣстны: «Βίος καὶ ἄθλησις τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα δύο μαρτύρων» современника описываемаго здѣсь событія Эводія (Acta Sanctorum, Martii t. I, p. 887—893), рассказы Продолжателя Теофана, Продолжателя Георгія Амартола, автора житія императрицы Теодоры (Regel, Analecta byzantino-russica, Petropoli. 1891), Симеона Магистра, Генесія, Кедрина, Зонары, Ефрема и минологія Василия. Заимствованный изъ этихъ источниковъ краткій рассказъ о судьбѣ аморійскихъ мучениковъ давно вошелъ въ составъ общихъ историческихъ трудовъ, напримѣръ, лѣтописи кардинала Баронія, календаря Ассемани, сочиненій Лебо, Финлея и другихъ. Аналогичный съ византійскимъ житіемъ сорока двухъ мучениковъ рассказъ находится и у армянскаго историка X вѣка Моисея Каганкатвади въ его «Исторіи агванъ», переведенной на русскій языкъ Патканьяномъ (СПб. 1861, стр. 271). Наконецъ, въ 1851 году извѣстный славистъ Миклошичъ издалъ житіе сорока двухъ мучениковъ на древне-славянскомъ языкѣ, на основаніи супрасльскаго рукописи; славянскій текстъ житія лишь въ немногихъ, иногда весьма важныхъ случаяхъ расходится съ текстомъ греческимъ, опубликованнымъ г. Васильевымъ. Отмѣтивъ пропуски славянскаго текста сравнительно съ греческимъ и указавъ на то, что нѣмецкій ученый Абихтъ считаетъ авторомъ славянскаго житія кипрскаго архіепископа Софронія, г. Васильевъ сообщаетъ далѣе, что греческихъ рукописей, содержащихъ въ себѣ текстъ житія аморійскихъ мучениковъ, сохранилось довольно много. Изъ нихъ авторъ имѣлъ возможность видѣть слѣдующія, находящіяся въ Парижской Національной библиотекѣ: 1) № 1534, рукопись XII вѣка, содержащая, по предположенію Абихта, первоначальный текстъ житія, который представляетъ болѣе значительный интересъ въ сравненіи съ изданнымъ текстомъ Эводія; этотъ именно текстъ и изданъ г. Васильевымъ въ рассматриваемой брошюрѣ; 2) рукопись XII вѣка за № 1529, представляющая текстъ Эводія, тождественный съ тѣмъ, который изданъ въ Acta Sanctorum по ватиканской рукописи; 3) кодексъ за № 1476, содержащій лишь небольшую часть житія, болѣе краткую сравнительно съ кодексомъ № 1534; 4) рукопись XI вѣка за № 1447, гдѣ сохранилось только начало рассказа, которое уже издано Абихтомъ и Шмидтомъ (Archiv für Slav. Philol., V. XVIII (1896), S. 190—192), и 5) кодексъ XIV вѣка, № 1604, съ текстомъ Эводія. Кромѣ того, въ Московской Синодальной библиотекѣ въ рукописи подъ № 380 по каталогу архимандрита Владиміра находится Μαρτύριον сорока двухъ мучениковъ, написанное монахомъ и синкелломъ Михаиломъ, и цѣлый рядъ рукописей съ текстомъ Эводія, а также имѣются аналогичныя рукописи въ библиотекахъ — Эскуріальской (№ 312, XI вѣка) и Баварской Королевской въ Мюнхенѣ (codex XXIV). По мнѣнію г. Васильева, житіе Эводія и изданный имъ греческій текстъ, авторъ коего неизвѣстенъ, совершенно неезависимы другъ отъ друга, причемъ послѣдній отличается

яснымъ и подробнымъ изложеніемъ, съ точными хронологическими данными, какихъ не встрѣчается въ другихъ греческихъ источникахъ, — тогда какъ въ житіи Эводія преобладаетъ риторика; этотъ анонимный текстъ и житіе Эводія явились почти одновременно, но совершенно независимо другъ отъ друга, а славянскій текстъ Миклошича исходитъ отъ этого же анонимнаго текста или отъ одного изъ его сокращенныхъ списковъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторые пропуски въ славянскомъ текстѣ. Вообще, по заключенію нашего автора, первоначальный текстъ житія сорока двухъ аморійскихъ мучениковъ, отъ котораго должны идти послѣдующія изысканія, находится въ рукописи № 1534 Парижской Национальной библіотеки. Послѣ введенія (стр. 1—8), въ брошюрѣ А. А. Васильева помѣщенъ самый текстъ житія (стр. 9—17), имѣющій слѣдующее заглавіе: «Μαρτύριον τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων νεοφανῶν μαρτύρων Θεοφίλου, Θεοδώρου, Κωνσταντίνου, Καλλίστου, Βασσίου καὶ τῆς συνουσίας ἁγίων τῶν τὸν ἀριθμὸν τεσσαράκοντα δύο». Въ примѣчаніи отмѣчены различія славянскаго перевода, изданнаго Миклошичемъ.

П. А. Сырку, *Монаха Григорія житіе преподобнаго Ромила. По рукописи XVI вѣка Императорской Публичной библіотеки собранія Гильфердинга, съ приложеніемъ службы преподобному Ромилу по рукописи XVII вѣка Бѣлградской Народной библіотеки* (Памятники древней письменности и искусства. СХХХVI). С.-Петербургъ. 1900. Стр. XXXIII + 54. — Опубликованныя г. Сырку въ настоящемъ изданіи житіе преподобнаго Ромила и служба ему предваряются обширнымъ предисловіемъ (стр. I—XXXIII), въ которомъ указанные матеріалы обозрѣваются въ отношеніяхъ филологическомъ и историческомъ. Житіе южнославянскаго преподобнаго Ромила, говорится здѣсь, впервые сдѣлалось извѣстнымъ изъ сообщенія сербскаго ученаго Даничича о такъ называемой Кипріановой рукописи сербскаго извода съ примѣсью болгарскаго, XVII вѣка, принадлежащей Народной библіотекѣ въ Бѣлградѣ. Другой текстъ житія препод. Ромила находится въ рукописи Императорской Публичной библіотеки, собранія Гильфердинга № 58; рукопись — сербской редакціи, но съ явными болгаризмами, написана полууставомъ XVI вѣка и найдена въ городѣ Призренѣ, въ Старой Сербіи. Вообще житіе Ромила въ рукописяхъ встрѣчается рѣдко, что указываетъ на малую его распространенность въ литературѣ болгаръ и сербовъ. Въ своемъ изданіи г. Сырку воспроизвелъ текстъ житія по рукописи Гильфердинга, сохранивъ всѣ особенности ея правописанія и исправивъ лишь ошибки. Что касается службы препод. Ромилу, то она напечатана по рукописи № 22 Бѣлградской Народной библіотеки, написанной въ 1692 году и тождественной съ рукописью Кипріановой, о которой говоритъ Даничичъ. Рукопись — сербской редакціи, ресавскаго извода, переложеннаго, вѣроятно, съ извода болгарско-терновскаго. Служба составлена на основаніи житія. Языкъ житія и службы отличается нѣкоторыми лексическими особенностями и содержитъ въ себѣ слова рѣдкія, малоизвѣстныя и народныя; всѣ они подробно и указываются г. Сырку.

Изслѣдованіе языка житія препод. Ромила приводитъ нашего ученаго къ выводу, что этотъ памятникъ первоначально явился въ болгарской редакціи, былъ составленъ до исправленія книгъ въ Болгаріи, въ тотъ періодъ, когда шла подготовка къ этой реформѣ не въ одной только Болгаріи, но и внѣ ея, среди болгарскихъ исихастовъ. Составитель житія былъ довольно близокъ къ народу и изъ народной болгарской рѣчи заимствовалъ лексическій матеріалъ для своего произведенія. Кромѣ того, онъ пользовался Новымъ Завѣтомъ и Псалтирюю, Лѣствицею Іоанна Лѣствичника, Лугомъ Духовнымъ Іоанна Мосха и рѣдко сочиненіями Григорія Синаита. По характеру своему житіе Ромила представляетъ душеполезное чтеніе, имѣющее цѣлью поучать потомство и побуждать къ подражанію подвигамъ св. Ромила. По стилю житіе отличается простотою, естественностью и реальностью. Вообще Григорій, авторъ житія, имѣлъ солидное по своему времени образованіе, которое онъ получилъ не въ свѣтскихъ или философскихъ школахъ, а у исихастовъ; исихасты понимали образованіе въ смыслѣ твердаго и точнаго до пуризма знанія и усвоенія истинъ православной вѣры и основательнаго изученія твореній отцовъ церкви, главнымъ образомъ, аскетическаго направленія, напри- мѣръ, Ефрема Сирина, Іоанна Мосха, Симеона новаго богослова, Григорія Синаита и другихъ; такимъ именно образованіемъ и отличался монахъ Григорій, авторъ житія. Относительно этого писателя г. Сырку держится того мнѣнія, что его нельзя отождествлять съ Григоріемъ Цамблакомъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые. Монахъ Григорій, какъ видно изъ житія препод. Ромила, пришелъ въ Парорію, гдѣ подвизался послѣдній, изъ Константинополя, въ концѣ первой половины XIV столѣтія, и сдѣлался ученикомъ монаха Иларіона, подъ руководствомъ коего подвизался и Ромилъ; онъ часто переходилъ съ мѣста на мѣсто, былъ на Аѳонѣ, въ Загорьѣ, Терновѣ и Раванницѣ. Сдѣлавшись ученикомъ препод. Ромила, онъ всюду сопровождалъ своего учителя. Житіе препод. Ромила написано имъ на Аѳонѣ, въ мѣстности Мелана, послѣ смерти подвижника. Оно составлено на основаніи личныхъ впечатлѣній и рассказовъ другихъ лицъ, знавшихъ преподобнаго. Житіе весьма важно въ историческомъ отношеніи. Здѣсь содержится интересный матеріалъ для исторіи южныхъ славянъ XIV в. и въ частности болгаръ, для исторіи южнославянскаго монашества и исихастическаго движенія въ Болгаріи, для исторіи нашествій турокъ на предѣлы Византіи и на Парорійскую обитель, которая была ими разорена и приведена въ запустѣніе. Житіе, далѣе, заключаетъ въ себѣ данныя о природѣ, климатѣ и естественныхъ богатствахъ Пароріи и ея окрестностей и является единственнымъ въ этомъ отношеніи источникомъ. Въ заключеніи введенія излагается житіе препод. Ромила, съ нѣкоторыми объясненіями. Самое житіе (стр. 1—34) озаглавляется такъ: **Житіе и жизнь и Фчѣсти чюдесъ ново ѡблѣннаго и прѣбвнаго ѡца нашего ромила поустынножителю. съписано григоріемъ оученикомъ егò. ошьаникомъ и довропис-**

цель. въ пѣкриліи стые горы ѡдона. въ мѣстѣ нарицаемѣмъ мелана. Служба же святому, на 16 января (стр. 35—54), состоитъ изъ вечерни малой и великой; приводится также и синаксарное чтеніе въ честь подобнаго.

И. В. Помяловскій, *Житіе преподобнаго отца нашего Харитона Исповѣдника* (Палестинскій Патерикъ, выпускъ X). С.-Петербургъ. 1899. Стр. 25. — Здѣсь помѣщенъ русскій переводъ житія препод. Харитона Исповѣдника, сдѣланный по греческому тексту Метафраста (Migne, Patrologia graeca, t. 115). Изъ житія видно, что препод. Харитонъ родился около 250 года въ городѣ Иконіи и въ молодости подвергся мученіямъ за исповѣданіе христіанства, воздвигнутымъ императоромъ Авреліаномъ (270—275 г.). По смерти Авреліана, Харитонъ былъ освобожденъ изъ заключенія и отправился въ Іерусалимъ. Близъ святого города онъ былъ схваченъ разбойниками, ограбленъ и уведенъ въ плѣнъ. Чудесно спасшись отъ разбойниковъ, онъ на доставшіяся ему отъ нихъ деньги основалъ лавру Фарось, а близъ нея, въ пещерѣ разбойниковъ, устроилъ храмъ, названный Древнею церковью; кромѣ того, часть денегъ онъ роздалъ бѣднымъ и святымъ отцамъ, жившимъ въ пустыняхъ; они, говоритъ житіе (стр. 15), были рѣдки и немногочисленны и сами во время гоненій предпочитали пустыню отечеству, живя разсѣянными въ пещерахъ Каламоновыхъ, близъ Мертваго моря. Храмъ въ лаврѣ Фарось былъ освященъ іерусалимскимъ епископомъ Макаріемъ, присутствовавшимъ на первомъ вселенскомъ соборѣ. Виолнѣ благоустроивъ эту лавру, препод. Харитонъ удалился въ пещеру въ предѣлахъ Іерихонскихъ, гдѣ также основалъ лавру, названную Іерихонскою; настоятелемъ ея преподобный сдѣлалъ Елпидія Дукса. Черезъ нѣсколько времени онъ ушелъ и отсюда и близъ страны Теокойской, въ пустынѣ, основалъ новую лавру, которая стала называться Суккою или Древнею. Последніе годы своей жизни препод. Харитонъ провелъ въ такъ-называемой висячей пещерѣ близъ Древней лавры, а скончался въ лаврѣ Фарось (около 350 г.), преподавши своимъ ученикамъ рядъ аскетическихъ наставленій.

И. В. Помяловскій, *Житіе преподобнаго отца нашего Стефана Чудотворца* (Палестинскій Патерикъ, выпускъ XI). С.-Петербургъ. 1900. Стр. 154. — Переводъ житія сдѣланъ по греческому подлиннику, изданному въ Acta Sanctorum Болландистовъ подъ 13 іюля. Житіе написано ученикомъ препод. Стефана, монахомъ Леонтіемъ (глава 115), родомъ изъ Дамаска; къ сожалѣнію, начальныя главы этого агиологическаго памятника не сохранились, однако и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ довольно обширенъ и состоитъ изъ 188 главъ. Изъ житія видно, что препод. Стефанъ Чудотворецъ, подвизавшійся въ палестинской лаврѣ св. Саввы, скончался въ 6286 (778) году отъ сотворенія міра (гл. 183), проживши 69 лѣтъ; значитъ, онъ родился въ 709 году. Онъ былъ племянникомъ св. Іоанна Дамаскина, отъ его родного брата, десяти лѣтъ отъ роду пришелъ въ лавру св. Саввы, гдѣ и прожилъ пятнадцать лѣтъ,

исполняя послѣдовательно обязанности канонарха, хлѣбодара, игуменарха и страннопріимника и пять лѣтъ проживши въ затворѣ. Около пятнадцати лѣтъ преподобный провелъ анахоретомъ въ пустынь близъ Мертваго моря, а послѣдніе годы жизни подвизался уединенно близъ лавры св. Саввы съ нѣкоторыми своими учениками. Житіе препод. Стефана главнымъ образомъ описываетъ его чудеса, въ разное время совершенныя и сдѣлавшіяся извѣстными монаху Леонтію частію изъ рассказовъ сподвижниковъ преподобнаго, частью на основаніи непосредственнаго знакомства съ чудотворцемъ. Не смотря на это, житіе имѣетъ не малое церковно-историческое значеніе и очень полезно для ознакомленія съ палестинскимъ монашествомъ въ VIII вѣкѣ. Въ частности, здѣсь содержатся свѣдѣнія о палестинскихъ монастыряхъ—свв. Евѳимія, Іоанна Предтечи, Саввы, Каламона, Каstellійскомъ, Сукка, Хуранъ и другихъ. Кромѣ того, въ житіи упоминаются іерусалимскіе патріархи—Георгій, Ілія II и Ѳома, а также—современный арабскій протосимвуль или султанъ и т. д.

Б. Меліоранскій, Перечень византійскихъ грамотъ и писемъ. Выпускъ I. Документы 784—850 годовъ. Введеніе. Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преподобнаго Ѳеодора Студита. Съ пятью таблицами. С.-Петербургъ. 1899. Стр. 62.—Въ виду того, что рукописное преданіе, касающееся писемъ препод. Ѳеодора Студита, немаловажно для установки хронологіи какъ самихъ писемъ, такъ и упоминаемыхъ въ нихъ событій, Б. М. Меліоранскій въ настоящей своей брошюрѣ сообщаетъ свѣдѣнія о редакціяхъ, представляемыхъ главнѣйшими рукописными сборниками писемъ препод. Ѳеодора, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ опытъ хронологическаго ихъ распорядка. Самыя древнія свѣдѣнія о собраніяхъ писемъ препод. Ѳеодора, пишетъ г. Меліоранскій, находятся въ двухъ изданныхъ житіяхъ его (Migne, Patrologia graeca, t. 99), обследованныхъ Карломъ Томасомъ (Theodor v. Studion und sein Zeitalter. Osnabrück. 1892). Сличивъ тексты житій и ихъ вполне ясныя хронологическія указанія, г. Томасъ пришелъ къ выводу, что житіе, надписываемое именемъ Михаила (вѣрнѣе — Ѳеодора) Дафнопата, по времени составленія моложе второго, относится къ первой половинѣ X вѣка и составлено главнымъ образомъ на основаніи второго житія, написаннаго монахомъ Михаиломъ Студитомъ и представляющаго въ историческомъ отношеніи наиболѣе цѣнный памятникъ, хотя и не первый изъ числа существовавшихъ біографическихъ записей о препод. Ѳеодорѣ: Михаилъ Студитъ, младшій современникъ Ѳеодора, писалъ по первому, краткому стихотворному его житію. Какъ *terminus post quem* написанія второго житія г. Томасъ принимаетъ 19 февраля 842 года, такъ какъ въ житіи упоминается о праздникѣ православія, но вѣмецкій авторъ не обратилъ вниманія на Migne, 293, A, гдѣ о препод. Николаѣ Студитѣ говорится, какъ объ умершемъ, но ближайшемъ современникѣ автора, а такъ какъ Николай скончался 3 февраля 868 года, то слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что житіе препод.

Θεοδора составлено Михаиломъ во второй половинѣ IX вѣка, послѣ 3 февраля 868 года, и показанія его о сочиненіяхъ препод. Θεοδора изображаютъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ Студійскомъ монастырѣ въ это время. О письмахъ препод. Θεοδора Михаилъ говоритъ такъ: *αἱ δ' ἔτι τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ βιβλοὶ πέντε μὲν ἕως τοῦ παρόντος σώζονται παρ' ἡμῶν* (Migne, 264 D); то же повторилъ въ первой половинѣ X вѣка Дафнонатъ: *αἱ δὲ τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ βιβλοὶ πέντε αἱ παρ' ἡμῶν οὕσαι τέως* (Migne, 153 B). Итакъ, въ концѣ IX и въ X вѣкѣ въ Студійскомъ монастырѣ письма преподобнаго Θεοδора хранились въ видѣ полного собранія всѣхъ уцѣлѣвшихъ, раздѣленнаго на пять книгъ. Это свидѣтельство очень полезно при изслѣдованіи исторіи писемъ препод. Θεοδора по главнымъ существующимъ рукописнымъ сборникамъ, изъ коихъ извѣстны: 1) Vaticanus 1432, 2) Paris. Bibliothèque du roi № 709 или 1987 (теперь Fonds anciens grecs № 894, 3) Paris. Fonds du Coislin № 94, 4) Paris. Fonds du Coislin № 269. Vaticanus 1432 сталъ извѣстенъ раньше и лучше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ былъ сперва напечатанъ Де-ла-Бонемъ по списку Сирмонда, а потомъ Миномъ въ его Patrologia graeca (t. 99), съ незначительными дополненіями изъ Vaticanus 633. Такимъ образомъ, изданіе Мина въ отношеніи текста и расположенія матеріала замѣняетъ ватиканскую рукопись, которая относится къ первой половинѣ XII вѣка. Письма препод. Θεοδора раздѣлены здѣсь на два отдѣла или книги, снабженныя особыми заглавіями и особой нумераціей писемъ; первая содержитъ 54 нумера, а вторая 219. Въ расположеніи матеріала ясно стремленіе къ хронологическому порядку: первая книга обнимаетъ время «первой и второй ссылки» или время правленія императоровъ: Константина VI, Ирины, Никифора I, Михаила I и Льва V до иконоборческаго собора, бывшаго весною 815 года; вторая обнимаетъ «третью ссылку», т. е. эпоху отъ иконоборческаго собора до смерти самаго препод. Θεοδора. Но къ этому хронологическому порядку нужно относиться съ осторожностью. Общее мнѣніе изслѣдователей относительно ватиканской рукописи то, что ея двѣ книги суть двѣ первыя книги того древняго полного собранія въ пяти книгахъ, о которомъ говорятъ монахи Михаилъ. Regius № 709 или 1987 или теперь 894 извѣстенъ по примѣчаніямъ, сдѣланнымъ Де-ла-Бонемъ къ приготовленному Сирмондомъ для печати тексту, и по предисловію и послѣсловію къ его изданію (Migne, Patr. gr., t. 99). Новаго матеріала сравнительно съ Vatic. 1432 Paris. 894 въ себѣ не заключаетъ, хотя шесть его отдѣловъ даютъ въ общей сложности 328 нумеровъ, а не 273, какъ Vaticanus; этотъ перевѣсъ произошелъ главнымъ образомъ отъ того, что Paris. даетъ три новыхъ заглавія безъ текстовъ и содержитъ 50 писемъ въ двухъ тождественныхъ редакціяхъ. При письмахъ четырехъ послѣднихъ отдѣловъ рукописи, кромѣ цифръ, отвѣчающихъ порядку самой рукописи, стоятъ еще цифры, указывающія мѣсто, занимаемое даннымъ письмомъ въ прямомъ или косвенномъ оригиналѣ настоящей рукописи; эти цифры даютъ

возможность возстановить до известной степени этот утраченный оригиналь. Далѣе въ изслѣдованіи г. Меліоранскаго помѣщена таблица, составленная на основаніи данныхъ Сирмондова изданія и имѣющая цѣлью опредѣлить отношеніе Paris. 894 къ его оригиналу, условно названному Archetypus Paris. 894, и къ Сирмондову изданію, совпадающему, за указаннымъ исключеніемъ, съ Vatic. 1432. Изъ этой таблицы, дѣйствительно, видно, что содержаніе рукописей Paris. 894 и Vatic. 1432 совершенно тождественно: онѣ вовсе не дополняютъ другъ друга ни однимъ письмомъ, ни однимъ отрывкомъ, распредѣленіе ихъ матеріала одинаково на пространствѣ всей первой книги Vatic. и лишь порядокъ писемъ второй книги имѣетъ нѣкоторыя уклоненія. Такимъ образомъ ватиканскій списокъ отличается отъ парижскаго не содержаніемъ, а лишь редакционными подробностями слѣдующаго рода: 1) отдѣлы «догматическихъ» писемъ уничтожены, какъ и дѣленіе писемъ τῆς τρίτης ἐξορίας на четыре книги; вмѣсто того, всѣ письма раздѣлены на двѣ книги, и хронологическій принципъ дѣленія, перепутанный въ Paris. 894 съ принципомъ дѣленія по содержанію, получилъ безраздѣльное господство; 2) уничтожена старая нумерація, сохраненная Paris. 894 отъ его оригинала (Paris. 894 относится къ XIV вѣку и такимъ образомъ двумя вѣками моложе Vatic. 1432, хотя редація его старше; надо полагать, что между ними и Arch. Paris. 894 лежитъ неизвѣстная рукопись X—XI вѣка, которую Paris. 894 списываетъ почти буквально); письмо къ игумену Платону включено въ общій счетъ, какъ № 54 первой книги, 4) выпущены три заглавія, не представлявшія текстовъ, и 5) расположеніе писемъ внутри книги измѣнено въ 27 случаяхъ изъ 273-хъ. Ясно, что ни Paris. 894, ни Vatic. 1432 не тождественны съ полнымъ собраніемъ IX—X вѣка, о которомъ говорятъ житія, и что двѣ книги Vatic. вовсе не двѣ первыя книги полного собранія; обѣ рукописи суть и называютъ себя ἐκλογαί, антологіи; при этомъ указанные ихъ отличія говорятъ за то, что Vatic. представляетъ окончательную редакцію, а Paris. 894 болѣе раннюю, можетъ быть, первоначальную. Ранняя редація сохранила слѣды полного собранія, изъ которыхъ ясно, что оно состояло minimum изъ 849 писемъ, нумерованныхъ въ одну линію, съ начала до конца; эти 849 писемъ составляли четыре книги. Первую (заглавіе неизвѣстно) составляли 309 писемъ, изъ которыхъ взяты 57 (потомъ 54) писемъ первой и 36 первыхъ писемъ второй книги антологіи; составитель послѣдней, для созданія своего хронологическаго порядка, вынужденъ былъ совершенно измѣнить порядокъ полного собранія, гдѣ съ № 79 до 309 первой книги вперемежку были помѣщены письма эпохъ до и послѣ 815 года. Второй отдѣлъ начинался отмѣткой при № 310: ἀρχὴ βιβλίου β' и обнималъ около 250 писемъ; далѣе, гдѣ-то между 549 и 568 письмомъ, отмѣткою ἀρχὴ βιβλίου γ' начинался третій отдѣлъ, и при 738, отмѣткою — ἀρχὴ βιβλίου δ', начинался четвертый отдѣлъ. Предъ второй книгой, или предъ 78 письмомъ первой, внѣ общей нумераціи, стояло письмо къ игумену Платону. Заглавій—

τῆς πρώτης καὶ δευτέρας καὶ τῆς τρίτης ἐξορίας или не было, или они не соотвѣтствовали содержанію, а были механически списаны съ еще болѣе древняго, хронологически раздѣленнаго, собранія. Отдѣла «догматическихъ» писемъ (50), стоящаго въ Paris. предъ ἐκλογαί, вѣроятно, не было. Изъ второй книги полнаго собранія въ антологию выбраны письма Sirm. II, 37—86; изъ третьей—II, 87—173, изъ четвертой—II, 174—219.

Согласно показаніямъ житій препод. Θεοδора, полное собраніе его писемъ состояло изъ пяти книгъ, между тѣмъ послѣднія письма антологіи взяты изъ четвертой книги Arch. Paris. 894. Возможно поэтому, что полное собраніе заключало въ себѣ даже не 849 нумеровъ, но значительно больше, вѣроятно, 1124. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если имѣть въ виду характеръ церковно-общественной дѣятельности препод. Θεοδора, а также и то, что существующія рукописи его писемъ называются ἐκλογαί и носятъ на себѣ явные слѣды неполноты. Относительно времени написанія Arch. Paris. 894 можно руководствоваться, во первыхъ, тѣмъ, что Vatic. 1432 и сходная съ ней патмоская рукопись № 113, описанная Саккеліономъ, относящаяся обѣ къ первой половинѣ XII вѣка, представляютъ собою уже окончательную редакцію антологіи, составленной по этому собранію, и, во вторыхъ, косвенными палеографическими данными, заключающимися въ цифровыхъ обозначеніяхъ писемъ. По мнѣнію г. Меліоранскаго, ничто не заставляетъ предполагать даже въ цифрахъ Arch. Paris. 894 уставныя формы письма, и значитъ, ничто не препятствуетъ думать, что рукопись писана была въ IX—X вѣкѣ и что ея редакція есть та самая, о которой говорятъ оба житія,—редакція, составленная еще въ IX вѣкѣ, такъ какъ ее имѣлъ уже Михайлъ монахъ, и жившая въ X вѣкѣ, такъ какъ ее имѣлъ авторъ второго житія препод. Θεοδора. Единственнымъ возраженіемъ противъ указаннаго предположенія можетъ служить то, что житія говорятъ о собраніи въ пяти книгахъ, а не въ четырехъ. Но если въ антологию не попало писемъ изъ пятой книги, то это еще не значитъ, что ея вовсе не было. Текстъ и составъ этой пятой книги, а равно и причину, по которой она исключена изъ антологіи, можно опредѣлить изъ разсмотрѣнія двухъ послѣднихъ рукописей писемъ препод. Θεοδора, а именно Fonds du Coislin, №№ 94 и 269. Эти рукописи подлежали непосредственному изученію г. Меліоранскаго. Рукопись Коаленя № 94 писана на бомбицинѣ четкою скорописью XV вѣка и имѣетъ 291 листъ. Всѣхъ разныхъ писемъ въ рукописи 548, изъ коихъ сравнительно съ Vaticanus новы №№ 258 и 272—548. Такъ какъ полное собраніе писемъ препод. Θεοδора заключало въ себѣ въ X вѣкѣ не менѣе 849 нумеровъ, то ясно, что Coisl. 94, подобно Vatic. и Paris., представляетъ собою антологию, хотя и другой редакціи; различіе между ними состоитъ 1) въ томъ, что выпущены два письма первой книги (10, 57) и четыре письма второй (94, 96, 126 и 156), и 2) хронологическое дѣленіе на двѣ книги, введенное въ Vatic., тутъ опять оставлено и снова введена форма одного не хронологически расположеннаго

сборника, какъ было въ Arch. Paris. 894, безъ его заглавій и съ самостоятельнымъ расположеніемъ матеріала. Въ концѣ Coisl. 94 находятся 277 писемъ, т. е. приблизительно объемъ одной книги древняго полнаго собранія Arch. Paris. 894, изъ коихъ въ антологию, выбранную изъ четырехъ первыхъ книгъ собранія, не попало ни одного. Сама собою напрашивается мысль: не есть ли это — цѣликомъ пятая книга, слѣдовавшая въ полномъ собраніи гдѣ то за 849 письмомъ? Это предположеніе получаетъ высшую вѣроятность, если разсмотрѣть послѣдній, интереснѣйшій и древнѣйшій списокъ Coisl. 269. Рукопись Coisl. 269 харатейная, состоитъ изъ 457 листовъ и содержитъ 507 писемъ, распределенныхъ по тремъ большимъ, ясно опредѣленнымъ отдѣламъ, каждый съ особымъ заглавіемъ и нумераціей. Изъ этихъ писемъ въ Paris. 894 и Vatic. 1432 не находится 277, а остальные 230 отвѣчаютъ 276 письмамъ послѣднихъ рукописей; недостаетъ въ Coisl. 269 всего 46 писемъ. Матеріалъ расположенъ въ Coisl. 269 въ слѣдующемъ порядкѣ. Первые 18 писемъ первой нумераціи (отмѣченной г. Меліоранскимъ въ особой таблицѣ, сравнительно съ изданіемъ Migne'я), за вычетомъ вовсе не помѣщенныхъ, въ точности соотвѣтствуютъ порядку первой книги антологіи; 39-е письмо Coisl. 269 позднѣе совсѣмъ исключается изъ общаго счета и переписывается особо, какъ самостоятельное произведеніе; 40—52 письма первой нумераціи отвѣчаютъ разнымъ отдѣламъ второй книги антологіи, въ своемъ порядкѣ не имѣютъ никакого соотвѣтствія съ порядкомъ прочихъ рукописей, не исключая Arch. Paris. 894, и по содержанию относятся къ позднѣйшему времени. Второй отдѣлъ съ особой нумераціей содержитъ 310 писемъ; его заглавіе обѣщаетъ уже не ἐκλογὴ, а просто собраніе — ἐπιστολαὶ διάφοροι ἐξο(ρίας γ'). Если изъ этихъ 310 писемъ выдѣлать тѣ, которыя находятся въ антологіяхъ, то они составятъ начало второй книги Vatic. 1432, именно №№ 1—36, а въ остаткѣ будетъ 275 писемъ, стоящихъ въ томъ же самомъ порядкѣ въ Coisl. 94, №№ 272—548, съ той только случайной разницей, что Coisl. 94 списалъ сюда, на соотвѣтствующихъ по Coisl. 269 мѣстахъ, два письма, списанные имъ уже ранѣе (9 и 24). Третій отдѣлъ, съ пропавшимъ концомъ, содержитъ письма, вошедшія во вторую и отчасти первую книгу антологіи. При этомъ, во всѣхъ случаяхъ отступленія порядка Coisl. 269 отъ Vatic. 1432 Coisl. помѣщаетъ раньше письма, стоящія въ Vatic. позднѣе, но ни разу не вставляетъ впослѣдствіи разъ пропущенное письмо. Это даетъ право полагать, что 46 писемъ, о коихъ раньше упомянуто, вовсе не было въ Coisl. 269 и что не Coisl. 269—источникъ антологіи. Глубокая древность Coisl. 269 не подлежитъ сомнѣнію. Однако, гдѣ поставить этотъ кодексъ? Между Arch. Paris. 894 и самимъ Paris., и слѣдовательно отнести его къ X вѣку, или предъ Arch. Paris., и слѣдовательно отнести его къ IX вѣку? Относительные палеографическіе признаки рукописи говорятъ за IX вѣкъ и притомъ не за конецъ его, въ пользу же X вѣка нѣтъ никакихъ палеографическихъ данныхъ. Въ виду этого, г. Меліоранскій дальше зани-

мается вопросомъ, зависитъ ли Coisl. отъ Arch. Paris. или наоборотъ, или, если они другъ отъ друга не зависятъ, то какая редакція древнѣе? Тщательно разсмотрѣвши порядокъ и числа писемъ, а также текстъ схолий Coisl. 269, г. Меліоранскій пришелъ къ выводу, что Coisl. 269 старше Arch. Paris. 894, т. е. старше редакціи, описанной Михаиломъ монахомъ, слѣдовательно относится не къ X вѣку, а къ IX-му в., и даже не къ концу его; 275 писемъ второго отдѣла Coisl. 269, соотвѣтствующія №№ 272—548 Coisl. 94, составляли послѣднюю, пятую книгу полного собранія писемъ препод. Θεοδора, причемъ этотъ кодексъ представляетъ первый опытъ или первый томъ этого собранія; ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας въ Coisl. 269 сдѣлана изъ собранія монастырскаго архива, куда складывались копии съ важнѣйшихъ писемъ знаменитаго игумена въ сравнительно спокойное время, но сборникъ 310 писемъ τῆς τρίτης ἐξορίας составленъ ученикомъ св. Θεοδора, препод. Николаемъ Исповѣдникомъ, который только одинъ и могъ это сдѣлать, какъ свидѣлствуютъ его біографіи; мало того, во второмъ отдѣлѣ Coisl. 269 мы имѣемъ автографъ препод. Николая, который переписалъ сюда собственной рукой имъ же составленныя копии; между почеркомъ второго отдѣла Coisl. 269 и почеркомъ Порфиріевскаго Четвероевангелія 835 года, написаннаго препод. Николаемъ Исповѣдникомъ, существуетъ поразительное сходство. Препод. Николай написалъ Coisl. 269 въ 852—858 годахъ.

Итакъ, результаты изслѣдованія г. Меліоранскаго по вопросу о томъ, насколько традиціонный порядокъ писемъ препод. Θεοδора можетъ быть принятъ во вниманіе при установленіи ихъ хронологіи, сводятся къ слѣдующему. Письма, слыvuщія подъ заглавіемъ: «ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας» (первая книга Vatic. 1432) состоятъ: 1) изъ остатка современнаго событіямъ монастырскаго архива, это—тѣ письма, которыя есть въ Coisl. 269, и нѣсколько другихъ, по содержанію несомнѣнно относящихся къ этому времени; ихъ порядокъ, какъ порядокъ накопленія копій, вообще заслуживаетъ довѣрія, но онъ могъ быть и спутанъ, и нарушенъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій годовъ 796—799, 809—811, 815—821, 829—843, поэтому, гдѣ ошибки ясны изъ содержанія, можно исправлять его, не стѣсняясь; 2) изъ писемъ, смѣшанныхъ съ архивными въ древнемъ полномъ собраніи; среди этихъ писемъ, именно съ № 79 по № 309 полного собранія, были завѣдомо позднѣйшія; поэтому необходимо относить къ эпохѣ до 811 года лишь тѣ изъ нихъ, время которыхъ ясно опредѣляется ихъ содержаніемъ; остальные же могутъ относиться и къ позднѣйшему времени. Письма эпохи третьей ссылки состоятъ: 1) изъ современнаго событіямъ сборника Coisl. 269, листы 97 а—286, порядокъ котораго есть опять таки порядокъ накопленія копій, лишь кое-гдѣ случайно нарушенный; его слѣдуетъ принять, какъ хронологическій, исправляя лишь тамъ, гдѣ это непременно слѣдуетъ изъ связи упоминаемыхъ событій; 2) изъ множества писемъ, собранныхъ по одиночкѣ или небольшими сборниками неизвѣстнаго происхожденія и приве-

денныхъ въ наличный порядокъ уже составителями полнаго собранія; не только нѣтъ доказательствъ, что они для достиженія этого порядка располагали лучшими средствами, чѣмъ мы, но сомнительно даже, чтобы они заботились о его хронологической правильности; поэтому при опредѣленіи хронологіи этихъ писемъ мы не можемъ руководствоваться ничѣмъ, кромѣ ихъ содержанія; рукописный же порядокъ авторитета не имѣетъ. Письма этого отдѣла, безъ историческихъ упоминаній частнаго характера, могутъ быть относимы почти съ равнымъ правомъ къ любому году отъ 796—896 даже къ годамъ 815—819, такъ какъ извѣстно, на примѣръ, изъ письма Nova Patr. Bibl. VIII, стр. 220, что и другіе студиты въ это время собирали и переписывали письма преподобнаго Θεодора, а изъ письма N. P. Bibl. стр. 50—51 извѣстно, что и въ это время препод. Θεодоръ иногда писалъ письма собственноручно, и Николай могъ и не сохранить съ нихъ копій; встрѣчаются въ эти годы, хотя крайне рѣдко, и ссылки на письма, которыхъ въ сборникѣ не оказывается (въ N. P. Bibl. VIII, стр. 9).

На послѣднихъ страницахъ прекрасной ученой работы г. Меліоранскаго (53—62) помѣщено приложеніе, касающееся исторіи монахини — императрицы Евфросины. Но относительно этого приложенія мы уполномочены авторомъ предупредить отъ его имени всѣхъ пользующихся его работой, что страницы 53—58, писанныя крайне спѣшно и при весьма неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ настоящее время перерабатываются имъ совершенно заново и появятся въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Византійскаго Временника» въ видѣ особой статьи, подъ заглавіемъ: «Изъ семейной исторіи аморійской династіи». На страницахъ 59—62 анализируется письмо препод. Θεодора, касающееся Евфросины (Migne, II, 181) и показывающее, что Евфросина была не мать, а мачеха Θεофила; она была дочь Маріи армянки и вышла за мужъ за Михаила II лишь около 823 года, во всякомъ случаѣ по воцареніи его.

Приложенныя къ брошюрѣ пять таблицъ представляютъ образчики (I—III) почерка монаха Аѳанасія въ рукописяхъ Coisl. 269, Mosq. Syn. 117 (880 года) и Mosq. Syn. 188 (899 года) и св. Николая Исповѣдника въ рукописяхъ Coisl. 269 (листъ 281^b) и Императорской Публичной бібліотеки 219 (Четвероевангеліе 835 года).

Хр. М. Лопаревъ, *Книга Паломникъ. Сказаніе мѣсть Святыхъ во Царьградѣ Антонія, архіепископа новгородскаго, въ 1200 году*. С.-Петербургъ. 1899. Стр. CXLIV—111 (Православный Палестинскій Сборникъ, томъ XVII, выпускъ 3 (51).—Антоній, извѣстный своею книгою «Паломникъ», въ мірѣ носилъ имя Добрыни Ядрѣйковича или Андрейковича, былъ благочестивый гражданинъ Новгорода и совершилъ путешествіе въ Константинополь въ 1200 году. Сколько времени прожилъ онъ въ Цареградѣ, съ точностью сказать невозможно. П. И. Саввантовъ предполагалъ, что Добрыня жилъ тамъ до 1204 года, Н. П. Кондаковъ допускаетъ, что новгородскій путешественникъ жилъ въ Византіи не менѣе года, а Муральтъ думалъ,

что паломникъ возвратился изъ Константинополя въ 1211 году. Обозрѣвая достопримѣчательности города, онъ, вѣроятно путемъ покупки, приобрѣлъ нѣкоторыя святыни (частицу ризы Θεодора Стратилата, часть мощей св. Власія Севастійскаго и пр.), которыя и привезъ въ Новгородъ. По возвращеніи изъ Цареграда, Добрыня удалился въ Хутынской Спаской монастырь, мѣсто подвиговъ препод. Варлаама, и принялъ здѣсь постриженіе съ именемъ Антонія. Благочестіе, образованіе и путешествіе по святынямъ Цареграда вскорѣ сдѣлали имя инока Антонія очень извѣстнымъ въ Новгородѣ, гдѣ паломничество пользовалось большимъ уваженіемъ со стороны князей, духовенства и народа. По изгнаніи съ кафедры архіепископа Митрофана (въ 1211 году), новгородцы избрали на его мѣсто Антонія, который и ѣздилъ для хиротоніи въ Кіевъ. Въ званіи новгородскаго архіепископа, Антоній построилъ двѣ церкви (во имя св. Антонія и св. Варвары) и принесъ въ даръ Софійскому храму воздвигательный шестиконечный крестъ съ частицею Древа Креста Господня. Въ 1219 году Антоній отправился въ Торжокъ для обозрѣнія своей епархіи. Новгородцы воспользовались отсутствіемъ владыки и возвели на его кафедру низложеннаго Митрофана. Однако Антоній не хотѣлъ уступить престола, явился въ Новгородъ и поселился въ Спаскомъ Нередицкомъ монастырѣ. Дѣло Антонія и Митрофана восходило до суда предъ кіевскимъ митрополитомъ Матѳеемъ, который рѣшилъ дѣло въ пользу Митрофана, но однако и Антонію далъ епархію Перемышльскую, которою этотъ и управлялъ до кончины Митрофана (въ 1223 году), а потомъ вторично занялъ новгородскую кафедру. Во второй періодъ своего архіепископства Антоній заложилъ церковь св. Іакова въ Неревскомъ концѣ и расписалъ храмъ Сорока мучениковъ. Въ 1225 году Антоній, вслѣдствіе болѣзни, добровольно оставилъ кафедру и удалился въ Хутынской монастырь. Но народъ въ томъ году упросилъ владыку возвратиться на кафедру. Третій періодъ архіепископства Антонія продолжался два года (1225—1227) и извѣстенъ одними несчастіями для Новгорода: голодомъ, моромъ и сожженіемъ колдуновъ и чародѣевъ. Антоній скончался въ Хутынскомъ монастырѣ 8 октября 1231 года и погребенъ въ притворѣ Святой Софій. Русская церковь причислила Антонія къ лику святыхъ; память его совершается 10 февраля.

Первое печатное изданіе «Паломника» Антонія было сдѣлано П. И. Савваитовымъ въ 1872 году на средства Археографической Коммиссіи, а другія его изданія принадлежатъ И. И. Срезневскому («Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.» Спб. 1876) и Х. М. Лопареву (Библиографъ, 1888, № 12). Этими учеными, а также Порфирьевымъ, Кондаковымъ, Пыпинымъ и Бѣльскимъ, сдѣлана и историко-археологическая оцѣнка замѣчательнаго памятника русской паломнической литературы, причемъ всѣ они придаютъ ему очень важное научное значеніе. Но г. Лопаревъ нашелъ необходимымъ вновь опубликовать «Паломникъ» архіепископа Антонія, пользуясь для этого всѣми извѣстными ру-

кописными списками его книги, а также и вновь подвергнуть его содержание тщательному научно-литературному анализу. Это онъ и дѣлаетъ въ разсматриваемомъ изданіи, которое состоитъ изъ обширнаго предисловія и трехъ редакцій текста Антоніевой книги.

Въ предисловіи (стр. I—CXIV) помѣщенъ историко-литературный и археологическій комментарий къ «Паломнику» архіепископа Антонія. Указавъ обстоятельства жизни Антонія и отношеніе къ его «Паломнику» различныхъ ученыхъ, г. Лопаревъ сообщаетъ, что въ настоящее время извѣстны шесть списковъ Антоніевой книги, а именно: 1) сборникъ Императорской Публичной библіотеки изъ собранія П. И. Саввантова, второй половины XVI вѣка, 2) сборникъ Россійскаго Историческаго музея въ Москвѣ, XVII вѣка, 3) сборникъ Императорской Публичной библіотеки, Q, XVII, № 184, XVIII вѣка, 4) сборникъ г. Яцимирскаго, XVI вѣка, 5) сборникъ Копенгагенской Королевской библіотеки № 553, XVII вѣка, и 6) сборникъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, Q, CCXL, XVIII вѣка. Всѣ списки, на основаніи интерполяцій, можно раздѣлить на двѣ редакціи, къ одной изъ которыхъ относятся первые четыре списка, при чемъ основнымъ слѣдуетъ считать списокъ г. Яцимирскаго, а къ другой—два остальные. Весьма вѣроятно, что обѣ редакціи «Паломника» вышли изъ-подъ пера самого автора: первая написана до 1204 года, т. е. до завоеванія Константинополя латинянами, а вторая — послѣ этого года. Основую перваго изданія послужили для автора его личныя замѣтки, которыя онъ иллюстрировалъ «Сказаніемъ о созданіи св. Софіи», Прологомъ и другими книгами; при пересмотрѣ первой редакціи Антоній еще разъ обратился къ «Сказанію о св. Софіи», воспользовался рассказомъ о крещеніи княгини Ольги и пр. «Паломникъ» Антонія отличается многими особенностями языка, которыя отчасти и отмѣчаются г. Лопаревымъ; между прочимъ, въ немъ встрѣчается значительное количество грецизмовъ, которые могутъ дать поводъ видоизмѣнить самый взглядъ на книгу.

Изученіе топографіи Константиноноля на основаніи «Паломника» архіепископа Антонія стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о цѣльности текста книги, на что не было обращено вниманія первымъ ея издателемъ и что невыгодно отразилось на изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ. П. И. Саввантовъ тщательно комментировалъ и пояснял отдѣльныя показанія Антонія по поводу мѣстоположенія той или другой церкви въ Константинополѣ, времени ея построенія, святынь ея и т. д., но не охватилъ памятника въ его цѣломъ, не обратилъ вниманія на взаимоотношеніе между отдѣльными его показаніями. Закрѣпивъ текстъ примѣчаніями, онъ косвеннымъ образомъ отвлекъ вниманіе изслѣдователей отъ вопроса о томъ, насколько текстъ «Паломника» дошелъ до насъ въ подлинномъ видѣ. Археологи пытались понять планъ Антоніевыхъ путей по Цареграду, но, принявши вмѣстѣ съ издателемъ расположеніе частей книги за несомнѣнно подлинное, впади въ явныя ошибки. Поэтому

прежде всего необходимо, по словам г. Лопарева, рассмотреть состояние текста, въ какомъ видѣ онъ дошелъ до насъ. Изложеніе книги, пишетъ онъ далѣе, часто отличается непонятною непослѣдовательностью и въ очень многихъ мѣстахъ является въ спутанномъ видѣ, какъ это и можно видѣть изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ. Смыслъ такого рода непослѣдовательности въ изложеніи довольно ясенъ: очевидецъ мѣстностей Антоній не могъ допустить явной и чисто механической спутанности текста; приходится предположить, что «Паломникъ» былъ первоначально написанъ на отдѣльныхъ листахъ, которые потомъ были перепутаны редакторомъ. Въ виду этого, въ настоящее время весьма желательна работа полного возстановленія текста, хотя она и чрезвычайно затруднительна. Другою особенностью текста «Паломника» является перескакиваніе отъ святыни въ одномъ мѣстѣ столицы къ однородной святынѣ въ другомъ, не рѣдко отдаленномъ мѣстѣ города, а третья особенность состоитъ въ смѣшеніи точекъ зрѣнія на нѣкоторыя достопримѣчательности столицы. Имѣя въ виду указанныя особенности «Паломника», г. Лопаревъ и пытается представить прежде всего въ общихъ чертахъ пути Антонія по Цареграду, остановившись предварительно на свѣтскомъ обликѣ столицы византійской имперіи, какъ онъ изображается въ книгѣ Антонія. По мнѣнію г. Лопарева, Антоній сдѣлалъ два круга въ самомъ городѣ, большій (Софійскій участокъ) и меньшій—(Влахернскій участокъ), и затѣмъ обошелъ Галату и Перу. Это, впрочемъ, не значитъ, что Антоній только три раза и ходилъ по городу: каждое его хожденіе могло занимать цѣлыя недѣли, группировка же книги на три отдѣла сдѣлана для наглядности. Далѣе г. Лопаревъ очень подробно описываетъ маршрутъ Антонія по Цареграду, пользуясь для сего данными топографической критики и критики текста. Послѣ этого онъ весьма тщательно обзорѣваетъ святыни Константинополя, упоминаемыя Антоніемъ въ его книгѣ, и рассматриваетъ его извѣстія объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, относящихся къ исторіи русской и византійской, и, въ частности, характеризующихъ русско-византійскія отношенія. Изъ рассмотрѣнія «Паломника» Антонія г. Лопаревъ дѣлаетъ въ заключеніи предисловія слѣдующіе выводы: 1) Сочиненіе было написано на отдѣльныхъ листахъ, которые были потомъ расположены не въ надлежащемъ порядкѣ и въ такомъ видѣ переписаны въ тетради. 2) Можно предполагать, что текстъ «Паломника» взятъ по частямъ изъ неизвѣстныхъ книгъ разной эпохи, которыя служили путеводителями для поклонниковъ въ Цареградѣ. 3) Антоній не все видѣлъ самъ и не вездѣ былъ въ Цареградѣ и его окрестностяхъ, о которыхъ онъ говоритъ, но во многомъ довольствовался рассказами вожака или путеводителя; многое въ его книгѣ принадлежитъ ему лично, но многое можетъ быть лишь простымъ пересказомъ какого нибудь, не дошедшаго до насъ, διήγησις'a; поэтому не представляется неожиданностью, если Антоній, какъ самостоятельный описатель святынь Константинополя, когда нибудь и будетъ развѣнчанъ.

4) Но это нисколько не умаляетъ значенія его книги, какъ драгоцѣннаго памятника византійской церковной археологiи и точнаго показателя святаго богатства Цареграда: въ ней Антонiй насчитываетъ 75 церквей самаго Константинополя и 22 церкви Перы и Галаты, тогда какъ всѣ документы за время латинскаго завоеванiя, собранные графомъ Рiаномъ, перечисляютъ всего 14 церквей и 6 монастырей. 5) Въ ней Антонiй въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ и національные нравственно-политическiе идеалы, и интересъ къ родному прошлому, и вообще вниманiе къ русскому имени въ столицѣ Византiи.

Текстъ «Паломника» Антонiя изданъ г. Лопаревымъ въ трехъ редакцiяхъ: первая изъ нихъ (стр. 1—39) представляется сводною изъ разныхъ сохранившихся списковъ памятника, со всѣми ихъ вариантами, вторая (стр. 41—69) составляетъ опытъ изданiя «Паломника» въ томъ видѣ, въ какомъ, по мнѣнiю г. Лопарева, онъ могъ явиться изъ-подъ пера писателя, а третья (стр. 71—94) издана по списку г. Яцимирскаго. Къ изданiю приложены карта «Цареграда при византiйскихъ императорахъ» по д-ру А. Мордтманну и указатель собственныхъ именъ (стр. 95—111).

Извѣстiя Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ IV, выпуски 2 и 3. Софiя. Държавна печатница. 1899. Томъ V. Одесса. 1900.

Во *второмъ* выпускѣ *четвертаго* тома «Извѣстiй Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ» помѣщены слѣдующiя статьи.

1. **Θ. И. Успенскiй**, *Охридская рукопись Иоанна Куропалата Скилицы* (стр. 1—8). Хроника Иоанна Скилицы, пишетъ въ этой статьѣ г. Успенскiй, занимаетъ въ византiйской историографiи исключительное положенiе. Она пока извѣстна и доступна въ латинскомъ переводѣ, греческiй же ея оригиналъ не изданъ. Такое исключительное положенiе Скилицы объясняется тѣмъ, что его историческiй трудъ почти цѣликомъ вошелъ въ хронику Кедрина, и такимъ образомъ компиляцiя замѣнила оригиналъ. Но въ какой степени Кедринъ воспроизвелъ Скилицу, какъ относится оригинальный текстъ къ компиляцiи, — на эти вопросы еще не дано удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ до сихъ поръ не предпринималось критическаго изученiя рукописей Скилицы. Между тѣмъ настоятельность этой задачи давно сознается византологами. Въ настоящее время выполненiе этой задачи значительно облегчается тѣмъ, что во вновь найденномъ Охридскомъ кодексѣ открывается новый, полный и одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ исторiи Скилицы; этотъ списокъ долженъ занять первостепенное мѣсто въ изученiи темныхъ вопросовъ, соединенныхъ съ историческимъ трудомъ Кедрина—Скилицы. Въ виду этого **Θ. И. Успенскiй** и предлагаетъ въ разсматриваемой статьѣ нѣсколько своихъ наблюденiй по отношенiю къ Охридскому кодексу. Пергаментный списокъ Скилицы, сохранившiйся въ Охридской митрополи, помѣченъ № 79. Это — октавъ большого формата, относящiйся, можетъ быть, къ XI вѣку. Первый его листъ значительно пострадалъ отъ сырости, но

за то вся рукопись прекрасно сохранилась и не представляет дефектовъ, за исключеніемъ послѣдняго листа. Такъ какъ именно первыя страницы исторіи Скилицы представляютъ большой исторіографическій интересъ, а между тѣмъ онѣ изданы не вполне исправно, то г. Успенскій въ своей статьѣ и привелъ текстъ первыхъ листовъ по Охридскому кодексу, а затѣмъ отмѣтилъ нѣкоторыя разночтенія рукописи и печатнаго изданія Кедрина (р. 374₃—377₁₃ и 467₁₇—468₁₃) и высказалъ по поводу ихъ нѣсколько замѣчаній. Къ статьѣ приложенъ снимокъ съ листа 240 Охридской рукописи.

2. J. Pargoire, *Héria* (стр. 9—78), См. «Византійскій Временникъ», томъ VII, выпуски 1 и 2, стр. 242—243.

3. **Θ. И. Успенскій**, *Константинопольскій эпархъ* (стр. 79—104). Однимъ изъ наиболѣе важныхъ учрежденій, охранявшихъ общественный строй и порядокъ въ столицѣ византійской имперіи, былъ приказъ эпарха города. Со времени перенесенія столицы имперіи въ Константинополь и до самаго турецкаго завоеванія, эпархъ города съ подчиненнымъ ему приказомъ оставался чуть ли не единственнымъ учрежденіемъ, пережившимъ всѣ потрясенія и пощаженымъ царскими реформами. Понятно, что такое устойчивое учрежденіе, бывшее свидѣтелемъ многовѣковой исторіи и стоявшее на стражѣ внутренняго порядка, благоустройства, политическаго и соціального положенія всего населенія столицы, заслуживаетъ особаго вниманія и всесторонняго изученія. Между тѣмъ по этому вопросу нѣтъ даже предварительныхъ работъ. Въ виду этого, нельзя не привѣтствовать появленіе отмѣченной статьи **Θ. И. Успенскаго**. По сообщенію почтеннаго ученаго, эпарху столицы (ἐπαρχος τῆς πόλεως) принадлежали совершенно ясно опредѣленные права и обязанности. По византійской табели о рангахъ, эпарху столицы въ ранній періодъ имперіи принадлежало первое мѣсто за начальниками военныхъ округовъ, т. е. за стратигами азіатскихъ и европейскихъ оемъ, а по обряднику Константина Порфиророднаго онъ поставленъ уже выше стратиговъ европейскихъ оемъ, между которыми выше его стояли только стратиги **Θракіи** и **Македоніи**. Что касается гражданскихъ чиновъ, то между ними эпархъ столицы занималъ безспорно самое первое мѣсто во всѣ времена византійской имперіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что константинопольскій эпархъ есть прямой преемникъ и замѣститель римскаго praefectus urbi, а съ теченіемъ времени онъ соединилъ въ себѣ права и привилегіи и префекта города, и префекта преторіи. Общее положеніе византійскаго государственнаго права усвоило эпарху значеніе первой особы послѣ царя. Практически это положеніе осуществлялось всякій разъ, когда царю нужно было выѣхать изъ столицы; въ этомъ случаѣ верховная власть временно переходила на коллегію изъ трехъ сановниковъ: на препоита, магистра и эпарха. Въ разное время права константинопольскаго эпарха то ограничивались, то расширялись (въ періоды смутъ и общественныхъ движеній); но вообще эпархъ игралъ весьма

важную роль въ исторіи Константинополя и былъ то популярнѣйшимъ, то ненавистнѣйшимъ для населенія органомъ правительственной власти. Онъ принималъ обязательное участіе во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, при чемъ не былъ здѣсь пассивнымъ лицомъ, но исполнялъ служебную роль. Когда освобождалось мѣсто епарха, самъ царь искалъ замѣстителя изъ числа наиболѣе извѣстныхъ и вѣрныхъ лицъ. Производство въ должность епарха города сопровождалось особой церемоніей частью гражданскаго, частью церковнаго характера; описаніе ея отчасти сохранилось въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго (р. 263—268). Главныя обязанности епарха города состояли въ охраненіи общественной тишины и безопасности въ столицѣ имперіи. Ему предоставлены были широкія полномочія; онъ имѣлъ право суда и ограниченія личной свободы гражданъ, могъ заключать въ темницу и высылать изъ города подозрительныхъ лицъ. Въ его непосредственномъ завѣдываніи находились торговыя и промышленныя заведенія, ремесленныя корпораціи, мѣста общественныхъ собраній; отъ него же зависѣла городская полиція и исходили распоряженія по благоустройству города, содержанію его въ чистотѣ и украшенію по случаю торжествъ и парадныхъ царскихъ выходовъ. Для исполненія лежащихъ на немъ обширныхъ обязанностей онъ нуждался въ сотrudникахъ и помощникахъ и въ штатѣ полицейскихъ служителей. Онъ имѣлъ для этого свою канцелярію или приказъ съ опредѣленнымъ штатомъ чиновниковъ. Въ зависимости отъ приказа епарха была и городская тюрьма или преторія, въ которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Но изъ всѣхъ обязанностей епарха въ сохранившихся источникахъ всего опредѣленнѣе выставляется его судебная власть, которая имѣла почти безусловное значеніе. Епарху города подлежали всѣ дѣла по преступленіямъ, онъ разслѣдовалъ обо всемъ, что случалось въ столицѣ. Въ частности, участіе суда епарха засвидѣтельствовано въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ дѣлахъ политическаго характера, каковы заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворотъ, бунты, политическіе доносы и т. п.; 2) въ дѣлахъ по нарушенію общественнаго порядка въ Константинополѣ, и 3) въ дѣлахъ, касающихся всякаго нарушенія права, вздорожанія хлѣба, увеличенія налоговъ и т. п. Что касается административной власти епарха, то она простиралась на все городское населеніе и включала въ себѣ наблюденіе за общественною безопасностью, украшеніемъ города общественными постройками, освѣщеніемъ и т. п. Разсмотрѣніе административныхъ обязанностей епарха въ настоящее время значительно облегчено появленіемъ любопытнаго памятника—переписи константинопольскихъ корпорацій или цеховъ (*πολιτικῶν σωματείων*), изданной Nicole'емъ (*Le Livre du Préfet ou l'édit de l'empereur Léon de Sage sur les corporations de Constantinople*. Genève. 1893). Θ. И. Успенскій подробно обозрѣваетъ этотъ уставъ константинопольскихъ корпорацій (въ числѣ 22) и отмѣчаетъ отношеніе къ нимъ епарха го-

рода; въ заключеніи этого обзора онъ говоритъ, что приказъ эпарха города былъ могущественнымъ рычагомъ, дававшимъ направленіе дѣятельности промышленнаго и ремесленнаго населенія столицы, и что эпархъ, посредствомъ зависящихъ отъ него органовъ власти, не только проникалъ во всѣ подробности городской трудовой жизни, но и былъ отвѣтственнымъ предъ правительствомъ лицомъ за порядки и спокойствіе въ городѣ, даже за мысли и убѣжденія высшихъ классовъ столичнаго населенія. Далѣе въ рассматриваемой статьѣ перечисляются чины приказа эпарха, по свидѣтельству обрядника Константина Порфиророднаго, приводится постановленіе «*Εκλογὴ τῶν νόμων*» касательно компетенціи эпарха города и характеризуется его дѣятельность, какъ хозяина города, на основаніи Пасхальной хроники, обрядника Константина Порфиророднаго, хроники Кедрина и другихъ памятниковъ византійской исторической литературы.

4. Г. П. Беглери, *Межевой знакъ владѣній Дексикрата и Урвикія* (стр. 105—108). Рассматривается въ палеографическомъ и историко-археологическомъ отношеніяхъ надпись на мраморной плитѣ, найденной г. Беглери въ предмѣстьѣ Константинополя Кучукъ-кей, въ окрестностяхъ Эйюба, и находящейся нынѣ въ музеѣ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Надпись относится къ VI или VII вѣку, представляетъ собою межевой знакъ и опредѣляетъ границы владѣній двухъ лицъ Дексикрата и Урвикія, принадлежавшихъ къ высшей византійской чиновной аристократіи. Въ статьѣ, между прочимъ, сообщается, что писатель конца XIII и начала XIV вѣка монахъ Ефремъ, говоря о константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ V (669—675 г.), передаетъ, будто этотъ патріархъ состоялъ попечителемъ *русскаго* монастыря Дексикрата (Ephraemius, p. 394, vers. 9846. Воннае, 1840). Но г. Беглери воздерживается отъ какихъ либо выводовъ по этому поводу, допуская здѣсь порчу текста.

Въ *третьемъ* выпускѣ *четвертаго* тома «Извѣстій» опубликованы слѣдующія статьи.

1. *Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ въ 1898 году* (стр. 109—155). См. отдѣлъ III настоящаго выпуска «В. В.».

2. *Θ. И. Успенскій, Константинополь въ послѣдніе годы IV вѣка. По случаю 1500-лѣтняго юбилея св. Іоанна Златоуста* (стр. 156—165). Въ этой превосходной статьѣ намѣчается образъ великаго учителя вселенской церкви Іоанна Златоуста и опредѣляется его историческое значеніе. Главная черта въ характерѣ Златоуста есть, по изображенію *Θ. И. Успенскаго*, глубокая и всепрощающая любовь къ человѣку, гуманное отношеніе къ варварамъ и заботы о приобщеніи язычниковъ къ благамъ христіанской культуры. Эта черта проявилась при разрѣшеніи Златоустомъ политическаго вопроса чрезвычайной важности. Въ IV вѣкѣ жгучимъ вопросомъ для Константинополя былъ вопросъ германскій. Послѣ

передвиженія готовъ за Дунай и утвержденія гунновъ въ юговосточной Европѣ этотъ вопросъ приобрѣлъ для имперіи первостепенную государственную важность. Императоръ Θεодосій Великій поставилъ и рѣшилъ этотъ вопросъ въ самомъ либеральномъ и гуманномъ смыслѣ, привлеки варваровъ на службу имперіи въ должностяхъ гражданскихъ и особенно военныхъ. Но германофильская политика Θεодосія не нравилась туземцамъ-грекамъ и римлянамъ, которые видѣли опасность въ наплывѣ чужеземцевъ и старались противодѣйствовать германскому вліянію. Когда Златоустъ былъ назначенъ епископомъ Константинополя, то политическая судьба имперіи и направленіе дѣлъ въ самой столицѣ зависѣли отъ трехъ партій, на которыя дѣлились дворъ, гражданскіе и военные чины и столичное населеніе. Выше всѣхъ по могуществу и вліянію была германская партія, состоящая изъ служилыхъ людей преимущественно готскаго происхожденія и изъ туземцевъ германофильскаго направленія. Во главѣ партіи стоялъ Гаина, главнокомандующій имперскихъ войскъ, опиравшійся на поддержку въ высшихъ сферахъ царицы Евдоксіи, супруги императора Аркадія, дочери одного германскаго предводителя. Ко второй партіи принадлежали сенаторы и служилые люди, а также большая часть духовенства; партія представляла оппозицію во имя національной и религіозной идеи противъ возрастающаго варварскаго вліянія; самымъ вліятельнымъ представителемъ ея былъ Авреліанъ, префектъ города, а потомъ консулъ. Среднее мѣсто занимала партія евнуха Евтропія, всесильнаго временщика въ 397—398 году; къ ней принадлежали различные выходцы и честолюбцы, пользовавшіеся вліяніемъ временщика для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Іоаннъ Златоустъ, занявши константинопольскую кафедру, примкнулъ къ національной партіи. Но онъ не раздѣлялъ ультрапатріотическихъ воззрѣній своей партіи и не былъ такимъ патріотомъ, который желалъ бы совершенно уничтожить политическую реформу Θεодосія: въ сферу его апостольской и пастырской попечительности входили не только германцы, состоявшіе на службѣ имперіи, но и тѣ варвары, которые жили за предѣлами имперіи. Въ этомъ отношеніи Златоустъ представлялъ полную противоположность египетскому епископу Синесію, который, явившись въ Константинополь для поднесенія императору золотого вѣнца и ознакомившись здѣсь съ политическими дѣлами, держалъ предъ императоромъ рѣчь, справедливо признаваемую антигерманскимъ манифестомъ національной партіи и проникнутую нетерпимостью, національною гордостью и исключительностью. Златоустъ смотрѣлъ на варварскій элементъ съ точки зрѣнія принципа, прекрасно выраженнаго Tillemont'омъ: «c'est le propre de l'église d'être persécuté et non pas de persécuter» (Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique, t. XI, p. 142), и относился къ германскому вопросу весьма гуманно и либерально. Такъ, онъ разрѣшилъ живущимъ въ Константинополь германцамъ аріанскаго толка отправлять богослуженіе въ собственной ихъ церкви, назначилъ въ аріанскую церковь священниками и діако-

нами природныхъ германцевъ, дабы они совершали богослуженіе и объясняли священное писаніе по нѣмецки, посѣщаль эту церковь и говорилъ здѣсь проповѣди, причемъ переводчики объясняли ихъ для не-понимавшихъ греческаго языка слушателей. Вообще, пастырскій идеалъ Златоуста обнималъ всѣ народы, пришедшіе въ нѣдра христіанской церкви. Для насъ, русскихъ, особенно поучительно то, что Златоустъ, въ своей миссіонерской ревности, обратилъ вниманіе на южную Россію и на придунайскія области, куда посылалъ проповѣдниковъ. У историка Феодорита находимъ такое мѣсто: «я самъ читалъ его письма къ анкирскому епископу Леонтію, гдѣ онъ увѣдомляетъ о принятіи христіанства скиѣами и проситъ послать имъ проповѣдниковъ» (с. 31), а въ одномъ изъ своихъ писемъ (Migne, t. II, с. 618) Златоустъ пишетъ и о миссіи въ Персію, и о церковныхъ дѣлахъ въ южной Россіи, и о готскихъ монахахъ-миссіонерахъ. Такимъ образомъ, Іоаннъ Златоустъ первый бросилъ сѣмена вѣры въ тѣ страны, гдѣ въ IX вѣкѣ проповѣдывали святые Кириллъ и Меодій.

3. М. И. Ростовцевъ, *Надписи изъ Македоніи* (стр. 166—188). Обозрѣваются античныя надписи, собранныя во время ученой экспедиціи въ Македонію Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ лѣтомъ 1898 года.

4. Г. Баласчевъ, *Новыя данныя для исторіи греко-болгарскихъ войнъ при Симеонѣ. На основаніи житія Маріи Новой* (стр. 189—220). Въ статьѣ изслѣдуется житіе Маріи Новой по списку, приобрѣтенному изъ аѳонской лавры св. Аѳанасія. Житіе заключаетъ въ себѣ важныя новыя данныя для исторіи болгарско-византійскихъ отношеній при Симеонѣ. Въ 1896 году греческій ученый г. М. Геденъ подвергъ это житіе историческому анализу (*Ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, Πρακτικὰ τοῦ ΚΑ'—ΚΣΤ' τόμου*), но далеко не выяснилъ всего значенія находящагося здѣсь матеріала и допустилъ нѣсколько неточностей и неправильныхъ заключеній. Въ виду этого г. Баласчевъ вновь изучилъ житіе Маріи Новой, сопоставилъ его матеріалъ съ данными въ письмахъ Николая Мистика и Романа Лакапина и результаты своего изслѣдованія представилъ въ настоящемъ этюдѣ. Статья г. Баласчева состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ подробно излагается содержаніе житія Маріи Новой. Въ царствованіе Василя Македонянина, рассказывается въ этомъ житіи, изъ Великой Арменіи прибыли въ Константинополь вельможи, которые съ почетомъ были приняты царемъ и возведены имъ въ высокіе чины. Между ними былъ и отецъ св. Маріи. По смерти отца, Марія осталась на попеченіи матери, которая потомъ выдала ее замужъ за нѣкоего Никифора изъ села Камара, куда новобрачные и отправились жить. У Маріи были уже дѣти, какъ возгорѣлась война между Византійей и Болгаріей, при болгарскомъ царѣ Симеонѣ. Никифоръ отличился въ сраженіяхъ съ болгарамъ и въ награду былъ назначенъ турмархомъ города Визы. Въ городѣ, какъ и раньше въ селѣ, Марія жила по хри-

стіански и много благотворила бѣднымъ, чѣмъ и сдѣлалась извѣстною византійцамъ. Однако она была оклеветана предъ мужемъ его родственниками въ супружеской невѣрности и подвергалась отъ него побоямъ. Скорбь и раны, причиненныя св. Маріи ея мужемъ, свели ее въ могилу. Епископъ Евемій и экономъ Анеимъ присутствовали на ея погребеніи въ епископской церкви и послѣдній сказалъ надгробное слово о благодѣяніяхъ блаженнопочившей. Послѣ смерти св. Маріи, мужъ ея не нашелъ въ ея вещахъ ничего цѣннаго, такъ какъ она почти все раздала бѣднымъ, и такимъ образомъ убѣдился въ ея добродѣтельной жизни. Черезъ четыре мѣсяца на могилѣ Маріи стали совершаться чудеса, а мужъ ея, по особому знаменію, построилъ храмъ, куда и перенесъ мощи блаженной. Въ этомъ храмѣ совершались чудесныя дѣйствія и тогда, когда Виза была завоевана болгарскимъ царемъ Симеономъ. По освобожденіи Визы отъ болгарской зависимости, въ царствованіе Романа храмъ съ мощами св. Маріи, усердіемъ ея сыновей—монаха съ Олимпа Симеона и друнгарія Баяна—, былъ обращенъ въ монастырь. Въ заключеніи житія приводятся восхваленія св. Маріи, изъ которыхъ видно, что житіе написано въ городѣ Визѣ. Во второй главѣ говорится о времени составленія житія св. Маріи. Въ отличіе отъ г. Гедеона, относящаго составленіе житія къ концу X или къ началу XI вѣка, г. Баласчевъ полагаетъ, что оно написано или во время языческихъ нашествій на Оракію, т. е. въ 934—967 годахъ, или же въ мирное время, т. е. до походовъ Святослава и Цимисхія на Болгарію и до покоренія Болгаріи византійскимъ императоромъ. Въ третьей главѣ содержится историческій и хронологическій комментарий къ житію св. Маріи. Въ частности, здѣсь устанавливается, что городъ Виза былъ разрушенъ болгарами въ 927 году, показывается, что подъ словомъ *Μαυδρία* нужно разумѣть укрѣпленіе на черноморскомъ побережьи, близъ древняго города Девельта, а имя Вулія есть собственное, а не титуль, и т. п.

5. S. Vailhé, *des Augustins de l'Assomption, Chronique archéologique de Palestine* (стр. 221—240). См. французскую библіографію.

Въ составъ (перваго выпуска) *пятого* тома «Извѣстій» вошли слѣдующія статьи.

1. Θ. И. Успенскій, *Мнѣнія и постановленія константинопольскихъ помѣстныхъ соборовъ XI и XII вѣковъ о раздачѣ церковныхъ имуществъ (харитикаріи)* (стр. 1—48). Настоящая статья Θ. И. Успенскаго составлена на основаніи соборныхъ актовъ XI и XII вѣковъ, извлеченныхъ изъ греческой рукописи № 100 Охридской митрополіи; рукопись написана на бумагѣ въ листъ въ XIII вѣкѣ и включаетъ въ себѣ каноны вселенскихъ соборовъ. Въ частности, здѣсь содержатся и документы слѣдующаго содержанія. 1) Въ 1071 году при царѣ Михаилѣ VII митрополитомъ Кизика Константиномъ было возбуждено дѣло о неправильной раздачѣ церковныхъ имуществъ. Занимавшій тогда константинопольскую кафедру Іоаннъ VIII Ксепфлинъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, отнесся къ част-

ному вопросу принципиально и далъ ему широкую постановку. Сущность же дѣла, возбужденная Константиномъ, состояла въ томъ, что его предшественникъ по кизической каедрѣ раздарилъ принадлежащія митрополіи монастыри частнымъ лицамъ, которыя названы харистикаріями. Вслѣдствіе этого доходы съ монастырскихъ имѣній поступали въ чужія руки, а сама митрополія оказалась въ бѣдственномъ положеніи. Поэтому Константинъ просилъ патріарха выдать ему копию соборнаго рѣшенія по возбужденному вопросу, дабы представить ее императору, который, на жалобу кизическаго митрополита о неправильной раздачѣ церковныхъ имуществъ, приказалъ доложить о дѣлѣ патріарху и обѣщалъ согласиться съ рѣшеніемъ послѣдняго. Въ патріаршемъ архивѣ были наведены справки, и найдены два соборныя опредѣленія патріарха Алексѣя отъ 1027 и 1028 годовъ, которыя и послужили для собора основаніемъ постановить рѣшеніе согласно съ прежней церковной практикой. 2) Слѣдуетъ второй актъ, отъ 19 декабря 1071 года, свидѣтельствующій о скрѣпленіи подписями хартофилакса, примикирія, нотаріевъ и пр. предыдущаго акта. 3) Третій актъ составляетъ протоколъ соборнаго дѣянія при патріархѣ Лукѣ Хрисовергѣ отъ 10 февраля 1163 года индикта 12. Вопросъ былъ возбужденъ пракійскимъ митрополитомъ Михаиломъ и поставленъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ XI вѣкѣ, а именно: слѣдуетъ ли считать законными такія сдѣлки по отношенію къ церковнымъ имуществамъ, которыя заключены на 27 лѣтъ съ правомъ возобновленія контракта и которыми отчуждаются отъ церкви сосѣднія мѣста или находящіяся подъ культурой винограда и маслинъ? Патріархъ Лука рѣшилъ считать подобныя сдѣлки не имѣющими законной силы, въ виду прежнихъ соборныхъ постановленій по этому вопросу. 4) Представленная пракійскимъ митрополитомъ Михаиломъ по вышеупомянутому дѣлу (документъ 3) копія съ контракта отъ 1162 года между Константиномъ Каеарой и уполномоченными отъ митрополіи лицами на отдачу въ арендное содержаніе четырехъ тысячъ лозъ винограда на 27 лѣтъ, съ правомъ возобновленія контракта. 5) Копія соборнаго опредѣленія отъ 20 октября 1107 года при патріархѣ Николаѣ III Грамматикѣ. Актъ составленъ по вопросу, возбужденному аѣинскимъ митрополитомъ Никитою въ виду неправильныхъ распоряженій по дѣламъ митрополіи со стороны его предшественника, митрополита Іоанна, который «частію по свойственной ему простотѣ, частію по старческой и физической слабости» сдѣлалъ рядъ распоряженій, несогласныхъ ни съ гражданскими законами, ни съ церковными правилами, а именно — роздалъ монастыри и церковныя имущества харистикаріямъ. Въ виду этого, митрополитъ просилъ соборъ примѣнить къ его митрополіи тѣ постановленія, которыя состоялись по этому вопросу въ прежнее время (при патріархахъ Алексѣѣ и Іоаннѣ Ксифиллѣ). Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ митрополита Никиты весьма интересны его сообщенія о положеніи аѣинской митрополіи въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка, а также указанія на ходатайства митрополитовъ

Крита и Митилины по вопросу о харистикаріяхъ. 6) Начальныя слова приказа претора Іоанна Таронита, даннаго въ 1102 году Симеону Влахерниту. Сохранившіеся въ Охридской рукописи акты имѣютъ важное научное значеніе, такъ какъ даютъ возможность прослѣдить почти на двѣсти лѣтъ характеръ отношеній свѣтской и церковной власти къ вопросу о раздачѣ церковныхъ имуществъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ и составить болѣе полное понятіе о харистикаріяхъ. Далѣе Ѳ. И. Успенскій и занимается анализомъ актовъ въ указанномъ отношеніи. Наиболѣе интересная сторона вопроса, пишетъ онъ, заключается въ томъ, что харистикаратъ, какъ обычай раздавать монастыри и церковныя земли, есть учрежденіе, развившееся въ нѣдрахъ самой церкви и стоявшее въ полномъ соотвѣтствіи съ существовавшими въ гражданскомъ обществѣ обычаями и взглядами на право распоряженія земельною собственностью. Отдача церковныхъ земель подъ видомъ дара никогда не была дареніемъ въ собственнымъ смыслѣ слова, а всегда краткосрочной или долгосрочной арендой, отдачею въ наемъ по словесному соглашенію или по контракту. Развившись для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей церкви, именно съ цѣлью извлеченія изъ земли большихъ выгодъ безъ приложенія личнаго труда, харистикаратъ съ теченіемъ времени оказался вреднымъ для интересовъ церкви, которая стала искать у свѣтской власти помощи для борьбы съ положеніемъ дѣла, созданнымъ обычаемъ и практикой, хотя вся отвѣтственность за аренду лежала на епископахъ и настоятеляхъ монастырей, такъ какъ они или сами или чрезъ своихъ уполномоченныхъ заключали съ свѣтскими лицами тѣ или иные акты. Такимъ образомъ во всемъ дѣлопроизводствѣ о харистикаріяхъ нѣтъ ничего рокового и неизбѣжнаго, противъ чего не могла бы бороться сама церковь: съ харистикаріями велась бумажная война, а рѣшительныхъ мѣръ противъ самыхъ актовъ на аренду церковныхъ земель не предпринималось. Всѣ соборные акты, касающіеся вопроса о харистикаріяхъ, имѣютъ въ виду опредѣленія патріарха Алексѣя въ 1027 году, изъ коихъ видно, что раздача церковныхъ имуществъ была допущена самою церковью съ конца X вѣка, потому что такова была система хозяйственнаго управленія въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыя не могли быть обрабатываемы собственными средствами владѣльца: всякій землевладѣлецъ находилъ болѣе выгоднымъ раздавать мелкіе участки по соглашенію со съемщиками, получая или арендную денежную плату, или опредѣленное количество урожая, чѣмъ оставлять свои земли безъ обработки и не получать съ нихъ никакого дохода. Но по отношенію къ церковнымъ имуществамъ самъ по себѣ правильный экономическій расчетъ оказался неблагопріятнымъ по послѣдствіямъ, потому что харистикаріи старались возможно болѣе эксплуатировать монастырь и его владѣнія въ свою пользу и съ теченіемъ времени приводили ихъ въ совершенное разореніе. Въ виду такой практики, патріархъ Алексѣй отнесся къ обсуждаемому вопросу довольно осторожно: онъ далеко не высказался противъ харистикарной системы, которая была

сравнительно лучшей мѣрой управленія церковными имуществами, а желалъ только урегулировать эту систему и устранить въ ней тѣ явленія, которыя противорѣчили церковному характеру монастырскихъ земель, каковы: передача или продажа харистикарнаго монастыря другому лицу, передача женскихъ монастырей въ харистикію мужчинамъ, сдѣлки безъ разрѣшенія патріарха и т. п. Въ 1071 году вопросъ о харистикіяхъ опять сдѣлался предметомъ соборнаго обсужденія, по иниціативѣ митрополита кизическаго. При обсужденіи этого дѣла соборъ обратился къ практикѣ церкви и, ссылаясь на дѣянія патріарха Алексѣя, опредѣлили распространить и на кизическую митрополию дѣйствіе прежде состоявшихся церковныхъ мнѣній, категорически запретивъ раздавать только такія имѣнія, которыя находятся въ близкомъ разстояніи отъ митрополіи. Когда же митрополитъ кизическій указалъ на то, что раздача церковныхъ имуществъ несогласна съ канонами, то соборъ, основываясь на 12 правилѣ седьмого вселенскаго собора и на 38 апостольскомъ правилѣ, исключилъ изъ права свободнаго распоряженія особый разрядъ имуществъ (*τὰ αὐτοβούργια*), которыя разрѣшилъ раздавать только клирикамъ или крестьянамъ, а если они уже розданы мірянамъ неземледѣльцамъ, то подлежатъ возвращенію церкви. Въ послѣдующее время дѣло о церковныхъ имуществѣхъ возникало при патріархѣ Николаѣ Грамматикѣ въ 1107 году, по жалобѣ аѣинскаго митрополита Никиты. Сдѣлавъ постановленіе объ изгнаніи харистикаріевъ, соборъ 1107 года однако предоставилъ на усмотрѣніе митрополита другой способъ разрѣшенія вопроса—дать харистикаріямъ срокъ, чтобы они исполнили требованія митрополіи о правильномъ пользованіи харистикіями, послѣ чего они спокойно могли бы оставаться на церковной землѣ. Такъ же соборъ удостовѣрилъ, что церковныя земли отдаются харистикаріямъ не въ даръ, а лишь въ краткосрочную аренду, причемъ призналъ недѣйствительными и подлежащими расторженію сдѣлки на 27 лѣтъ, хотя и здѣсь рекомендовалъ принимать въ соображеніе аккуратность арендатора и цѣлесообразность аренднаго съ нимъ договора. Наконецъ, соборъ запретилъ раздавать церковныя имуществѣ, называемыя *αὐτοβούργια* или *ἐνθούργια*. Въ подобномъ же смыслѣ состоялось постановленіе и въ 1168 году, при патріархѣ Лукѣ, по дѣлу ираклійскаго митрополита Михаила. А между тѣмъ раздача церковныхъ земель продолжалась и послѣ. Живучесть харистикарной системы объясняется поддержкою ея со стороны свѣтскаго правительства, которое еще въ XI вѣкѣ пришло къ мысли искать въ пожалованіи монастырскихъ земель служилымъ людямъ средства для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей государства и впослѣдствіи не находило удобнымъ налагать руку на харистикаріевъ въ то время, какъ само вводило систему прони, также развившуюся на почвѣ церковнаго землевладѣнія. Далѣе въ статьѣ Θ. И. Успенскаго помѣщены разсматриваемыя греческіе документы съ переводомъ на русскій языкъ, а въ заключеніи предложено нѣсколько объясненій текста. Такъ, по мнѣнію г. Успенскаго,

подъ αὐτοῦργιον разумѣется опредѣленное право, соединяемое съ владѣніемъ извѣстнымъ участкомъ и выражающееся въ полученіи дохода не отъ земли собственно, а отъ разныхъ доходныхъ статей, которыя идутъ не только съ самага земельного владѣнія, но и устроенныхъ на немъ мастерскихъ, заводовъ, мельницъ и т. п.; а подъ терминомъ τὸ ἐνθούσιον нужно разумѣть стремленіе византійскихъ властелей (архонтовъ и динатовъ) владѣть церковными землями, населенными церковными людьми.

2. А. А. Васильевъ, *Житіе Филарета Милостиваго* (стр. 49—86).— Изданъ греческій текстъ житія Филарета Милостиваго по рукописи Парижской Національной библіотеки № 1510 (по каталогу Omont'a). Рукопись относится къ XII вѣку. Текстъ предваренъ предисловіемъ, въ которомъ изложено содержаніе житія и сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія по поводу его. Филаретъ Милостивый родился, вѣроятно, въ 702 году, жилъ среди довольства и избытка въ Пафлагоніи, въ мѣстечкѣ Амнія, относящемся къ Гангрской митрополіи, имѣлъ семью. Подъ вліяніемъ любви къ бѣднымъ и состраданія, онъ роздалъ все свое богатство и оказался въ крайней бѣдности. Но когда внучка Филарета, красавица Марія, сдѣлалась женою императора Константина, Филаретъ со всею семьєю переѣхалъ на жительство въ Константинополь и снова прибрѣлъ большое богатство, которымъ попрежнему щедро дѣлился съ бѣдными. Филаретъ скончался, вѣроятно, въ 792 году и погребенъ въ константинопольскомъ женскомъ монастырѣ Крисисъ, т. е. св. Андрея Критскаго, или Розолистномъ (Ῥοδοφύλλιον). Житіе св. Филарета написано, вѣроятно, въ царствованіе Михаила II или Теофила (820—842 г.).

3. М. Г. Попруженко, *Синодикъ царя Бориса* (стр. 1—175+55).—Трудъ г. Попруженко представляетъ собою обстоятельное историко-литературное изслѣдованіе о Синодикѣ болгарскаго царя Бориса. Этотъ Синодикъ давно признанъ памятникомъ славянской старины, замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ и въ частности весьма полезнымъ при изученіи внутренняго состоянія Болгаріи въ XIII и XIV в. Онъ сохранился до нашего времени въ двухъ спискахъ, одинъ изъ коихъ находится въ Софійской Народной библіотекѣ (№ 55), а другой—въ частномъ владѣніи профессора М. С. Дринова. Тотъ и другой списокъ Синодика неоднократно уже служилъ предметомъ научнаго обслѣдованія. Г. Попруженко воспользовался для своей работы фотолитографическимъ снимкомъ Софійскаго списка памятника, предоставленнымъ въ его распоряженіе Θ. И. Успенскимъ. Трудъ г. Попруженко состоитъ изъ введенія, самого изслѣдованія о Синодикѣ и приложений.

Во введеніи (стр. I—XV) даются общія свѣдѣнія о Синодикѣ царя Бориса, изложено содержаніе сборника № 55 Народной библіотеки въ Софії и указано его значеніе для изученія дѣятельности терновскаго патріарха Евѳимія.

Изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ. Въ главѣ первой (стр. 1—

62) содержатся замѣчания о языкѣ софійскаго сборника Синодика, опредѣляется отношеніе списковъ Синодика — софійскаго и М. С. Дринова — между собою и къ текстамъ русскому и сербскому, говорится о способахъ и приемахъ перевода Синодика и указывается лексикальный составъ языка этого памятника. Во второй главѣ (63—118) содержатся замѣчания о составѣ статей Синодика и опредѣляется значеніе Синодика, какъ памятника литературной дѣятельности въ Болгаріи въ XIII—XIV вѣкахъ. Въ главѣ третьей (стр. 119—171) Синодикъ разсматривается въ качествѣ источника для изученія внутренней жизни Болгаріи, а также опредѣляется его значеніе для изученія богомилства. Въ заключеніи изслѣдованія (стр. 171—175) авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ значеніе Синодика царя Бориса. Болгарія рано выступила на путь культурной жизни среди балканскихъ славянъ; она быстро и энергично заявила себя страной, могущей выставить достаточно фактовъ самостоятельной духовной жизни, такъ какъ ея писатели, подъ покровительствомъ просвѣщенныхъ царей, очень скоро содѣйствовали расцвѣту славянской письменности. Въ такой дѣятельности болгарскихъ писателей многое нужно считать заимствованнымъ у болѣе культурной Византіи, но немало было и оригинальныхъ проявленій ихъ творчества въ области духовныхъ идеаловъ и нравственныхъ принциповъ. То и другое прежде всего выразилось не только въ воспріятіи болгарскимъ народомъ различныхъ раціоналистическихъ ученій, первоначально возникшихъ въ Византіи, но и въ самостоятельной, вполне самобытной переработкѣ этихъ ученій. Къ концу XII и началу XIII вѣка Болгарія уже является страной, духовная жизнь которой оказываетъ вліяніе даже на болѣе культурный западъ. Къ этому времени въ ней вполне ясно опредѣлились разногласія между представителями церкви, которые стремились неизмѣнно господствовать надъ всѣми проявленіями духа народнаго, и самимъ народомъ, который сталъ скептически относиться къ церковной іерархіи, не всегда отвѣчавшей высокому положенію по своимъ нравственнымъ качествамъ. Свѣтская власть приняла церковную іерархію подъ свою защиту и поэтому сама сдѣлалась предметомъ народнаго недовольства. Вслѣдствіе всего этого и явилась необходимость для церкви официально признать людьми опасными и вредными всѣхъ представителей противныхъ партій, причемъ оказалось удобнымъ выступить противъ нихъ съ обвиненіями по преимуществу въ проступкахъ противъ церкви, какъ хранительницы исконныхъ традицій, такъ какъ ученіе еретиковъ и представлялось опаснымъ именно съ этой стороны. Результатомъ такой борьбы и явился Синодикъ царя Бориса. Онъ отразилъ въ себѣ главнѣйшіе моменты раціоналистической жизни Болгаріи съ начала XIII и почти до конца XIV вѣка. Въ этомъ и заключается значеніе памятника, какъ источника для изученія внутренней жизни Болгаріи указаннаго времени, потому что упоминаніе въ немъ различныхъ собственныхъ и чужихъ религіозныхъ заблужденій свидѣтельствуетъ о направленіи современной культурной жизни бол-

гарь. Не менѣе важенъ Синодикъ и со стороны чисто литературной: онъ даетъ возможность судить о состояніи письменности въ Болгаріи въ такое время, отъ котораго сохранилось мало цѣльныхъ памятниковъ, и свидѣтельствуесть о способности болгарскихъ писателей XIII—XIV вѣковъ съ успѣхомъ заниматься переводами сложныхъ греческихъ памятниковъ и умѣло дѣлать лѣтописныя записи и компиляціи, что указываетъ на высокое состояніе болгарской письменности въ означенное время. Помимо формальныхъ сторонъ памятника, въ пользу этого говорить и тонъ его, или общій характеръ выраженія идей. Въ оригинальныхъ его частяхъ замѣтна полная сдержанность по отношенію къ своимъ еретикамъ-богомиламъ. Ихъ ученіе, конечно, было хорошо извѣстно болгарской іерархіи, однако послѣдняя зарегистрировала въ Синодикѣ лишь пункты несогласія этого ученія съ догматами церкви и совершенно не коснулась этической стороны его, богомилскихъ «басень». Сдѣлано это, конечно, не случайно, но приходится допустить, что богомилская идея о побѣдѣ добра надъ зломъ была въ Болгаріи XIII—XIV в. одинаково симпатична всѣмъ классамъ общества и именно въ этической сторонѣ богомилства (въ его проповѣди о добрѣ, о любви къ нищетѣ и пр.) заключалась его сила. Участники Терновскаго собора хорошо это понимали, такъ какъ освободительное движеніе умовъ, возникшее въ XIII—XIV вѣкахъ въ западной Европѣ и въ Византіи, широкою волною распространилось и въ Болгаріи, какъ видно изъ общаго тона Синодика. Дальнѣйшія открытія въ области болгарской старины этого времени должны еще болѣе возвысить отмѣченное значеніе Синодика.

Въ *приложеніи* къ изслѣдованію г. Попруженко (стр. 1—55) помѣщены слѣдующія статьи: 1) поправки къ тексту «Слова» Козмы Пресвитера, сдѣланныя по рукописи Новороссійскаго университета изъ собранія В. И. Григоровича (№ 55); 2) отрывокъ переводнаго поученія въ первую недѣлю великаго поста, напечатанный по рукописи XVII вѣка изъ собранія В. И. Григоровича (№ 38) въ библиотекѣ Новороссійскаго университета; 3) славянскій переводъ «титла» Паноппіи Евѣимія Зигавина о богомлахъ, по рукописи XV вѣка изъ того же собранія, съ замѣчаніями о языкѣ этого перевода.

А. А. Васильевъ, *Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи*. С.-Петербургъ. 1900, стр. XI+210+183. — Диссертація А. А. Васильева раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой разсматриваются политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи, а во второй помѣщены приложенія разнаго рода и содержанія. Первая часть сочиненія, въ свою очередь, состоитъ изъ вступленія и трехъ главъ изслѣдованія. Во вступленіи (стр. 3—20) высказывается общій взглядъ на состояніе арабскаго халифата и Византіи въ IX вѣкѣ и на характеръ отношеній между ними. Со времени великихъ завоеваній арабскаго халифата въ VII вѣкѣ, сообщается здѣсь, отношенія между православной Византіей и мусульман-

скимъ халифатомъ сдѣлались почти непрерывными. Въ VIII вѣкѣ стоялъ вопросъ о всеобщемъ столкновеніи всего европейскаго христіанскаго міра съ великой мусульманской державой, но опасность эта миновала, вслѣдствіе геройской защиты Константинополя императоромъ Львомъ III Исаврянинномъ съ одной стороны и извѣстной побѣды Карла Мартелла при Пуатье съ другой. Однако, эти двѣ побѣды не дали полнаго спокойствія ни Византіи, ни Западу, которымъ и въ послѣдующее время приходилось неустанно наблюдать за движеніями своихъ безпокойныхъ сосѣдей — мусульманъ. По мѣрѣ же постепеннаго упадка и ослабленія халифата, нападенія арабовъ уже не грозили, какъ въ VII—VIII вѣкахъ, самому существованію византійской имперіи, но, сосредоточиваясь большею частью въ близкихъ къ границамъ областяхъ, продолжали наносить сильный вредъ государству, подрывая благосостояніе провинцій, уменьшая ихъ податную силу и уничтожая населеніе. Девятый вѣкъ въ исторіи халифата особенно отличается отступленіемъ на второй планъ арабской національности и преобладающимъ значеніемъ сперва персовъ, а потомъ турокъ. Въ томъ же вѣкѣ глубокой интересъ представляла собою религіозная исторія халифата. Новая династія аббасидовъ, побѣдившая омайядовъ благодаря персамъ Хорасана, принимала живое участіе въ религіозныхъ дѣлахъ своего государства и, въ противоположность свѣтской династіи омайядовъ, была властителемъ не только государства, но и государственной церкви. Въ Дамаскѣ происходили частые богословскіе споры между христіанами и мусульманами. Въ халифатѣ существовали двѣ партіи — раціоналистическая и ортодоксальная, между коими происходила ожесточенная борьба, подобная той, которая существовала въ Византіи, въ эпоху иконоборства. Халифъ Мамунъ открыто сталъ на сторону представителей религіознаго раціонализма и декретомъ 827 года официально объявилъ, что тезисъ о созданіи корана признается правильнымъ и для всѣхъ обязательнымъ, но со вступленіемъ на престолъ въ 847 году Мутаваккила, одного изъ самыхъ непріятныхъ аббасидовъ, наступили лучшіе дни для сторонниковъ ортодоксальнаго ислама: халифъ, желая имѣть опору въ ихъ партіи, сталъ на ихъ сторону и въ 851 году издалъ эдиктъ, которымъ догма созданія корана объявлялась еретической; реакція противъ вольнодумцевъ сопровождалась страшными жестокостями, которыя однако не могли совершенно уничтожить раціоналистическое движеніе въ исламѣ. На IX вѣкъ падаетъ и блестящій періодъ арабской науки и литературы, который созданъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Персіи, Византіи и Индіи. Усиленіе интереса къ наукѣ въ IX вѣкѣ выражалось, между прочимъ, въ ученыхъ экспедиціяхъ которыя снаряжались въ Византію (при халифахъ Ватикѣ и Мамунѣ) и, въ глубь Азіи (при Ватикѣ). Въ то же время дворъ аббасидовъ отличался необыкновенною роскошью и богатствомъ, которыя дали сильный толчокъ торговлѣ. На протяженіи всего IX вѣка шли почти непрерывныя военныя столкновенія между арабами и византійцами, которыя не могли пройти

исторію, но подѣ конецъ жизни, по просьбѣ Саака Багратуни или же вслѣдствіе матеріальной нужды, которой онъ часто подвергался въ своей жизни, взялся написать исторію Арменіи отъ древнѣйшихъ временъ до послѣднихъ. Лишенный серьезнаго историческаго образованія и располагая весьма недостаточнымъ количествомъ источниковъ, онъ однако не могъ съ успѣхомъ выполнить свою задачу и проложить вѣрный путь въ области совершенно не разработанной; къ тому же старость лишила его благотворнаго научнаго скептицизма и необходимой энергіи для отысканія источниковъ и матеріала. Какъ добрый патріотъ и вѣрный блюститель преданій своей церкви, Моисей, при собираніи и оцѣнкѣ матеріала, принялъ за руководство свидѣтельство Лабубны объ Авгарѣ, «Сказаніе о мученической кончинѣ апостола Өаддея», «Исторію гоненій» епископа Фирмилиана и Исторію Агаѳангела. Всѣ эти произведенія, въ глазахъ современниковъ Моисея, были вполне авторитетными. Ихъ свидѣтельства, понятія буквально, а иногда и превратно, были и для Моисея настолько несомнѣнны, что онъ всѣ другія свидѣтельства армянскихъ и иныхъ историковъ оцѣнивалъ съ точки зрѣнія первыхъ. При этомъ ему потребовалось много ненужнаго труда и изобрѣтательности, чтобы свидѣтельства иныхъ писателей истолковать въ духѣ своихъ авторитетовъ. Гдѣ авторитеты были недостаточны, тамъ Моисей былъ остороженъ. Такъ, къ «Исторіи» Фавста, продолжателя Агаѳангела, онъ отнесся съ недоувѣріемъ, но совсѣмъ не кстати, такъ какъ здѣсь имѣются свѣдѣнія и вполне достовѣрныя. Составивши свою исторію, Моисей постарался связать ее съ исторіей римской и персидской. Понятно, что разработанная такимъ способомъ армянская исторія имѣетъ малое научное значеніе: какъ историческій источникъ, трудъ Моисея, за исключеніемъ конца, имѣетъ даже меньше цѣнности, чѣмъ произведенія Агаѳангела и Фавста Византійскаго. Для того, чтобы воспользоваться съ научною цѣлью тою частью «Исторіи» Моисея, гдѣ онъ говоритъ о событіяхъ несовременныхъ, необходимо прослѣдить путь, который привелъ автора къ тѣмъ или инымъ выводамъ, нужно обследовать послыки, послужившія ему данными для заключеній, и только послѣ критической ихъ оцѣнки можно принять ихъ или отвергнуть. Непосредственное же значеніе историческаго источника «Исторія» Моисея имѣетъ тамъ, гдѣ авторъ касается событій современныхъ, именно въ концѣ третьей книги; четвертая же книга его «Исторіи», къ сожалѣнію, не дошла до нашего времени, вѣроятно потому, что не выдержала соперничества блестящихъ историческихъ трудовъ Египше и Лазаря Фарбскаго. Въ приложеніи къ изслѣдованію г. Аннинскаго помѣщена хронологическая таблица царствованія армянскихъ и персидскихъ царей III—V вѣковъ и патріаршества армянскихъ католикосовъ IV—V вѣковъ.

Г. Мурносъ, *Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ пятый. Москва. 1900.*

Стр. 245. — Въ пятомъ выпускѣ русскаго перевода замѣчательнаго памятника арабской литературы, повѣствующаго о путешествіи въ Россію антиохійскаго патріарха Макарія въ XVII вѣкѣ, помѣщены три послѣднія его книги (XIII—XV), въ которыхъ описывается обратный путь арабскихъ паломниковъ, совершенный чрезъ Молдавію, Валахію, по Черному морю, чрезъ Малую Азію и Сирію до Дамаска. Между прочимъ въ пятнадцатой книгѣ, повѣствующей о путешествіи Макарія чрезъ Сирію, содержатся нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи антиохійской церкви въ XVII вѣкѣ. Въ приложеніи къ пятому выпуску русскаго перевода арабскаго памятника г. Муркосъ помѣстилъ вновь найденный имъ отрывокъ изъ введенія Павла Алеппскаго къ путешествію антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію, содержащій въ себѣ списокъ антиохійскихъ патріарховъ отъ Θεодора Вальсамона до Макарія (съ 1647 г.) включительно (стр. 177—197). Этотъ списокъ имѣетъ не малое научное значеніе, восполняя въ нѣкоторыхъ случаяхъ списки антиохійскихъ патріарховъ, составленные Іоанномъ Жеми (1756 г.) и Михаиломъ Брекомъ (1767 г.) и опубликованные епископомъ Порфириемъ Успенскимъ. Другое приложеніе (стр. 198—207) заключаетъ въ себѣ подробное описаніе арабской рукописи «Путешествія», находящейся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и послужившей г. Муркосу оригиналомъ для его русскаго перевода; къ описанію приложена фототипія послѣдней страницы рукописи. Наконецъ, въ пятомъ выпускѣ находятся: портретъ митрополита Макарія, указатель собственныхъ именъ и маршрутная карта.

Н. П. Лихачевъ, *Печати патріарховъ константинопольскихъ*. Москва. 1899. Стр. 24. — Въ настоящей брошюрѣ г. Лихачевъ, на основаніи тщательнаго изученія печатей византійскихъ патріарховъ, опубликованныхъ въ различныхъ ученыхъ трудахъ по византійской сигиллографіи и находящихся въ нѣкоторыхъ русскихъ собраніяхъ, излагаетъ свой взглядъ по указанному вопросу въ слѣдующемъ видѣ. Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ въ наукѣ типовъ печатей константинопольскихъ патріарховъ является тотъ, на которомъ изображена стоящая во весь ростъ Божія Матерь, а имя патріарха, въ знакъ обращенія съ молитвой о помощи къ Пресвятой Богородицѣ съ такимъ изображеніемъ, поставлено на обратной сторонѣ въ дательномъ падежѣ, безъ прибавленія титула «вселенскаго патріарха», а лишь съ титуломъ архіепископа Новаго Рима (печати патріарховъ Николая I и Фотія). Среди памятниковъ XI столѣтія найдены печати патріарха константинопольскаго (Алексѣя) безъ изображенія Божіей Матери, имя патріарха стоитъ здѣсь въ именительномъ падежѣ и титула «вселенскаго» нѣтъ; вѣроятно, это — переходъ къ послѣдующимъ типамъ. Съ половины XII вѣка и кончая XIV в. имѣются подлинныя печати константинопольскихъ патріарховъ (Георгія II Ксифилина, Іоанна X Каматира, Θεодосія I, Меѳодія II и другихъ) съ изображеніемъ сѣдящей на тронѣ Богоматери съ лицевой стороны; на обратной сторонѣ помѣщено имя

Сочиненіе г. Пономарева очень полезно для византологіи. Оно представляетъ единственный у насъ трудъ, въ которомъ доктрина христіанскаго аскетизма разсмотрѣна въ ея догматическихъ основахъ и происхожденіи, на основаніи твореній первыхъ ея истолкователей, писателей-аскетовъ IV-го вѣка. Пользуясь этимъ трудомъ, византологъ лучше можетъ усвоить духъ и направленіе византійско-восточнаго монашества, имѣющаго свои теоретическіе корни въ аскетической доктринѣ IV-го вѣка. Къ тому же авторъ весьма тщательно изучилъ древне-христіанскую аскетическую литературу и извлекъ изъ нея все существенное и важное для уясненія внутренняго состоянія духа подвижническаго. Въ этомъ отношеніи книга г. Пономарева стоитъ выше двухтомнаго сочиненія Zöckler'a «*Ascese und Mönchtum*» (Frankfurt a. M. 1897—1898), которое написано по методу простаго изложенія монашескихъ правилъ, опредѣляющихъ внѣшній образъ жизни монаховъ.

Е(пископъ) К(иріонъ), Назрѣвшій вопросъ. Ко дню столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи. 1801 $\frac{12}{IX}$ 1901. Тифлисъ. 1900. Стр. 28. — Въ этой брошюрѣ, написанной алавердскимъ епископомъ Киріономъ по случаю предстоящаго столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи (12 сентября 1901 года), высказано много прекрасныхъ мыслей объ историческихъ судьбахъ грузинской церкви и ея дѣятельности въ пользу грузинскаго народа и православной восточной церкви. Въ частности, здѣсь говорится о просвѣщеніи грузинскаго народа, устройствѣ представителями церкви народныхъ школъ разнаго типа, о заслугахъ грузинскихъ монастырей и монаховъ и особенно о грузинской литературѣ, весьма богатой памятниками различнаго содержанія и характера, но доселѣ почти совсѣмъ въ наукѣ неизвѣстной. Имѣя въ виду тѣсную историческую связь Грузіи съ Византіей, авторъ указываетъ на громадное значеніе грузинской литературы для византологіи и горячо призываетъ къ русскимъ и инымъ византологамъ съ предложеніемъ посвящать свои ученые работы и этой малоизслѣдованной области знанія. Въ заключеніи онъ рекомендуетъ открыть при С.-Петербургской духовной академіи специальную кафедру исторіи грузинской церкви, подобно тому какъ здѣсь существуетъ кафедра исторіи церкви въ славянскихъ странахъ, предсказывая новой кафедрѣ плодотворную будущность.

П. Цвѣтковъ. 1) *Благодатная. Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи. Переводъ съ греческаго подлинника* (Радость Христіанина, 1900, кн. I, стр. 20—26). — Помѣщенъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ пѣсни «Благодатная (ἡ Κεχαρισμένη)», напечатанный въ *Analecta sacra* кардинала Питры (т. I, стр. 514—515). Пѣснь имѣетъ отношеніе къ празднику Рождества Христова и въ высоко-художественныхъ чертахъ изображаетъ по поводу событія чувства Пресвятой Дѣвы, Евы и другихъ библейскихъ лицъ. Время составленія пѣсни съ точностью неизвѣстно. Можно предполагать, что она принадлежитъ св. Роману Сладкопѣвцу. Русский переводъ пѣсни предваренъ краткимъ предисловіемъ, гдѣ излагается ея

содержаніе. 2) *Древнія стихиры на Срътеніе Господне. Переводъ съ греческаго подлинника* (Тамъ же, кн. II, стр. 185—189). Переводъ сдѣланъ съ текста, изданнаго въ *Analecta sacra* (т. I) кардинала Питры.

Н. Добронравовъ, *Древнія церковныя пѣснопѣнія въ недѣлю Ваий и въ первый день Пасхи* (Радость Христіанина, 1900, кн. III, стр. 304—319).— Помѣщены въ русскомъ переводѣ различныя церковныя пѣснопѣнія (сѣдальны, тропари непорочны, ипакои, экзопостиларій, стихиры и причастенъ), относящіяся къ чинопослѣдованію всеобщаго бдѣнія въ недѣлю Ваий и церковнымъ службамъ въ первый день Пасхи. Пѣснопѣнія заимствованы изъ устава церковныхъ службъ въ Іерусалимѣ на страстной и пасхальной седмицахъ, опубликованнаго въ греческомъ текстѣ по рукописи XII вѣка А. И. Пападопуло-Керамевсомъ (*Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, τόμος Β'. Ἐν Πέτρουπόλει. 1894*). Съ этого текста переводъ и сдѣланъ; онъ предваренъ краткимъ предисловіемъ и снабженъ примѣчаніями.

А. Дружининъ, *Посланія и письма св. Діонисія Александрійскаго. Переводъ и примѣчанія* (Православный Собесѣдникъ, 1900, январь, стр. 32—39, февраль, стр. 138—148, мартъ, стр. 240—248, апрѣль, стр. 343—348).

П. Пономаревъ, *О значеніи аскетической литературы* (Православный Собесѣдникъ, 1900, мартъ, стр. 299—309).— Статья имѣетъ связь съ вышеупомянутою диссертациею г. Пономарева «Догматическія основы христіанскаго аскетизма»... и представляетъ рѣчь, произнесенную предъ защитой этой диссертациі. Здѣсь авторъ уясняетъ значеніе аскетическихъ твореній свв. Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, Антонія Великаго, Макарія Великаго, аввы Исаи, монаха Евагрія и Марка Подвижника — для наукъ: нравственнаго богословія, пастырскаго богословія, догматики, апологетики и библейской исторіи.

К. Григорьевъ, *Немезій, епископъ эмесскій, и его сочиненіе «О природѣ человека — Περὶ φύσεως ἀνθρώπου»* (Православный Собесѣдникъ, 1900, мартъ, приложение, стр. 1—60).—Немезій жилъ, вѣроятно, въ IV вѣкѣ и былъ непосредственнымъ предшественникомъ по эмесской кафедрѣ епископа Павла, извѣстнаго своей мужественной борьбою противъ Несторія. Немезію принадлежитъ замѣчательный антропологическій трудъ «О природѣ человека», въ которомъ кратко и ясно изложены результаты изслѣдованій о человѣкѣ до пятаго вѣка христіанской эры. Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи (гл. I) Немезій даетъ краткій очеркъ своего міровоззрѣнія. Первая часть сочиненія (гл. II—V) посвящена рѣшенію общихъ вопросовъ о человѣкѣ: о природѣ его души, происхожденіи ея, о видахъ души, о соединеніи души съ тѣломъ, о составѣ тѣла и стихіяхъ. Во второй его части (гл. VI—XLIV) разсматривается психическая и фізіологическая жизнь человѣка, опровергается фатализмъ и излагается ученіе о провидѣніи. Этому сочиненію епископа Немезія и посвященъ этюдъ г. Григорьева, въ которомъ сообщены не-

многія свѣдѣнія о личности Немезія, представленъ краткій очеркъ историческаго развитія христіанской антропологии до его времени и подробно изложено содержаніе сочиненія «О душѣ человѣка».

В. Болотовъ, *Изъ исторіи церкви сиро-персидской (Продолженіе). Экскурсъ Г. Что знаетъ о началѣ христіанства въ Персіи исторія* (Христіанское Чтеніе, 1900, январь, стр. 65—99, мартъ, стр. 428—454)? — Въ статьѣ, на основаніи разнообразныхъ научныхъ данныхъ, доказывається, что сиро-персидская церковь лишь къ началу IV вѣка получила прочную организацію. Къ статьѣ приложенъ *πάρρησιον* подъ заглавіемъ: «Изъ эпохи споровъ о Пасхѣ въ концѣ II вѣка».

А. Петровскій, *Исторія чина причащенія въ восточной и западной церкви* (Христіанское Чтеніе, 1900, мартъ, стр. 362—371).—На основаніи литературныхъ и иконографическихъ данныхъ, въ статьѣ описывается способъ причащенія въ церкви грековосточной и римской. Авторъ показываетъ, что въ древности на востокѣ христіане приобщались отдѣльно плоти и крови, причемъ евхаристическій хлѣбъ подавался имъ въ руки, а приблизительно съ IX вѣка въ церкви греческой распространился обычай причащаться тѣла и крови одновременно, при помощи ложки. На западѣ чинъ причащенія измѣнялся не менѣе трехъ разъ.

А. Петровскій, *Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія* (Христіанское Чтеніе, 1900, апрѣль, стр. 587—600).—Въ исторіи предпасхальнаго поста, говоритъ авторъ въ заключеніи своей статьи, различаются четыре основные момента. Исходнымъ его началомъ послужили дни страданія и смерти Спасителя (Матѣ. IX, 15), и въ соотвѣтствіи съ этимъ на первыхъ порахъ, именно въ теченіи двухъ первыхъ вѣковъ, онъ продолжался только два дня. Болѣе усердные исполнители присоединили къ нимъ еще нѣсколько предыдущихъ, и въ результатъ этого, перваго по времени, осложненія въ III столѣтіи получилась цѣлая недѣля поста. Въ IV вѣкѣ предпасхальный постъ обнимаетъ уже 36 дней. Наконецъ, въ VII столѣтіи постепенно стала устанавливаться всеобщая практика поститься 40 или 41 день. Въ этой продолжительности предпасхальный постъ существуетъ и въ настоящее время.

Сергій, архіепископъ **Владимірскій**, *Древнѣйшій восточный мѣсяцесловъ* (Христіанское Чтеніе, 1900, май, стр. 697—709).—Въ статьѣ описывается сирскій мѣсяцесловъ 411—412 года, изданный англійскимъ ориенталистомъ W. Wright'омъ (Of Sacred Literature, t. VIII. 1865) и отчасти обследованный Эмилемъ Эгли (1887 г.) и Людовиномъ Дюшеномъ (Acta Sanctorum, novemb., t. I, 1894). Архіепископъ Сергій тщательно анализируетъ содержаніе сирскаго мѣсяцеслова, сравниваетъ его съ Иеронимовымъ мартирологомъ, говоритъ о его происхожденіи и употребленіи. По словамъ автора, сирскій мѣсяцесловъ есть мѣсяцесловъ вообще восточныхъ церквей, но съ нѣкоторымъ мѣстнымъ антиохійскимъ вліяніемъ и отчасти поврежденный аріанами; полнотою онъ не отличается.—Статья не окончена.

А. П. Лебедевъ, *Новый взглядъ на происхожденіе символа константинопольскаго или, что то же, нашей православной церкви* (Вѣра и Церковь, 1899, кн. 9, стр. 535—564).—Разбирается взглядъ на происхожденіе константинопольскаго символа профессора лейпцигскаго университета Іоганна Кунце, который въ своемъ ислѣдованіи «Das Nicäisch-konstantinopolitische Symbol» (Leipzig. 1898) отождествляетъ этотъ символъ съ символомъ тарсійскимъ, прочитаннымъ на одномъ изъ засѣданій второго вселенскаго собора вновь избраннымъ епископомъ Константинополя Нектаріемъ, послѣ его крещенія и наученія, преподаннаго тарсійскимъ епископомъ Діодоромъ; второй вселенскій соборъ, а потомъ и императоръ Θεодосій одобрили и приняли тарсійскій символъ, и такимъ образомъ онъ, съ теченіемъ времени, получилъ наименованіе символа константинопольскаго. . . Профессоръ А. П. Лебедевъ признаетъ гипотезу Кунце маловѣроятною и твердыми историческими данными показываетъ ея несостоятельность. Въ свою очередь, онъ считаетъ константинопольскій символъ произведеніемъ отцевъ второго вселенскаго собора и главное для этого основаніе усматриваетъ въ «Посланіи святого собора (второго вселенскаго) къ императору Θεодосію Великому», гдѣ, между прочимъ, сказано, что отцы, «изрекли краткія опредѣленія (συντόμοις ὅροις ἐξέφωνήσαμεν)», иначе сказать—самостоятельно составили символъ.

А. П. Лебедевъ, *Сношеніе греческой церкви съ протестантами во второй половинѣ XVI вѣка* (Богословскій Вѣстникъ, 1900, январь, стр. 18—36, февраль, стр. 266—298).—Послѣ критической оцѣнки источниковъ и пособій по вопросу о сношеніяхъ греческой церкви съ протестантами въ XVI вѣкѣ, проф. А. П. Лебедевъ ведетъ обстоятельную рѣчь о самыхъ сношеніяхъ и въ частности говоритъ о благосклонномъ отношеніи турецкой власти къ протестантамъ и къ протестантскимъ державамъ, о неудачной попыткѣ Филиппа Меланхтона завязать сношенія съ Константинополемъ, о довольно продолжительныхъ и интересныхъ сношеніяхъ греческой церкви съ тюбингенскимъ университетомъ въ протестантской Германіи, представителемъ коего въ Константинополѣ былъ пасторъ Стефанъ Герлахъ, и о главныхъ участникахъ этихъ сношеній со стороны грековъ—братяхъ Іоаннѣ и Θεодосіи Зигомала,—весьма подробно излагаетъ исторію сношеній догматическаго характера между обѣими сторонами, выразившуюся въ перепискѣ по поводу Аугсбургскаго исповѣданія, а въ заключеніи опредѣляетъ значеніе этой догматической переписки для грековъ и протестантовъ.

А. П. Лебедевъ, *Протестантская смута въ греческой церкви XVII вѣка* (Богословскій Вѣстникъ, 1900, апрѣль, стр. 631—654).—По своему содержанию настоящая статья примыкаетъ къ предыдущей. Въ частности здѣсь сообщается о частомъ путешествіи въ XVI и XVII вѣкахъ греческихъ духовныхъ лицъ за границу, преимущественно въ протестантскія страны, съ ученою цѣлью, о пребываніи за границею Кирилла Лукариса и Митрофана Критопула и о вліяніи этого путешествія на ихъ религіоз-

ное образованіе и умственное развитіе, приводятся и оцѣниваются взгляды различныхъ ученыхъ на религіозный образъ мыслей Кирилла Лукариса и на приписываемое ему «Исповѣданіе вѣры», носящее протестантскій характеръ.—Статья не окончена.

А. Карнѣвъ, *Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Толковой Палеи и Златой Матицы* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1900, февраль, стр. 335—366).—Статья г. Карнѣва направлена противъ слѣдующихъ положеній г. Истрина, раскрытыхъ имъ въ изслѣдованіи «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи» (СПБ. 1897): 1) считая въ настоящее время неоспоримымъ фактомъ славянское, точнѣе—русское (а не византійское) происхожденіе Толковой Палеи, мы должны смотрѣть на статью о природѣ въ Златой Матицѣ какъ на одинъ изъ источниковъ Толковой Палеи; 2) не статья Златой Матицы представляетъ выборку изъ Толковой Палеи, а наоборотъ—Толковая Палея воспользовалась статьей Златой Матицы. Въ статьѣ г. Карнѣва съ достаточною убѣдительностью доказывается зависимость Толковой Палеи отъ Шестоднева Іоанна экзарха.

И. В-скій, *Святѣйшій Фотій, патріархъ константинопольскій. Историческая справка.* (Церковныя Вѣдомости, 1900, № 5, прибавленія, стр. 190—201).—Послѣ указанія заслугъ патріарха Фотія для греко-восточной церкви и въ частности въ области византійской литературы, авторъ настоящей «исторической справки» излагаетъ содержаніе статьи г. Пападопуло-Керамевса: «*Ὁ πατριάρχης Φώτιος ὡς πατὴρ ἅγιος τῆς Ὀρθοδόξου Καθολικῆς Ἐκκλησίας*», помѣщенной въ *Byzantinische Zeitschrift* (VIII, 4). Срав. Виз. Временникъ, т. VII, вып. 1 и 2, стр. 231.

* * * *Возстановленіе киновіи преподобнаго Θεодосія Киновіарха* (Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1899, сентябрь—октябрь, стр. 569—585).—По поводу описанія возстановленія палестинской киновіи препод. Θεодосія, предпринятаго іерусалимской патріархіей въ 1898 году, въ настоящей статьѣ излагается исторія этой киновіи отъ ея возникновенія въ V вѣкѣ до разрушенія въ XVI вѣкѣ. Между прочимъ, здѣсь приводятся свидѣтельства объ этомъ монастырѣ различныхъ русскихъ и греческихъ паломниковъ, посѣщавшихъ Св. Землю въ періодъ времени съ XI по XIX столѣтіе.

Г. П. Беглери, *Библиотека византійскихъ императоровъ въ Константинополѣ* (тамъ же, стр. 598—599).—По вопросу о томъ, куда дѣвалась и гдѣ сохраняются рукописныя сокровища византійскихъ императоровъ, послѣ завоеванія Константинополя турками въ 1453 году, г. Беглери сообщаетъ, что ему извѣстно существованіе въ Константинополѣ такъ называемой дворцовой библіотеки, которую по временамъ посѣщали, съ особаго разрѣшенія султана, ученые Карлъ Мюллеръ, ориенталистъ Вамбери и Детіэ (отецъ), коимъ турки показывали очень немногія рукописи, наиримѣръ, рукопись Кривовула, историка дѣяній завоевателя Константинополя, географію Птолемея, топографію Константинополя, составлен-

ную Михаиломъ Эхмалотомъ, монографію о колоннѣ Юстиніановой, исторію Шоливіа, топографическую карту Константинополя, составленную Буондельмонди, и нѣкоторыя рукописи безъ всякаго заглавія. Изъ разсказовъ посѣтителей и нѣкоторыхъ образованныхъ турокъ можно заключить, что въ этой библіотекѣ существуетъ много рукописей, но турки, по словамъ Детіэ, изъ непонятнаго суевѣрія, что потомкамъ гяуровъ не слѣдуетъ ихъ показывать, скрываютъ находящіяся въ библіотекѣ книжныя сокровища и лишь немногимъ знатнымъ посѣтителямъ показываютъ одинъ или два ящика съ рукописями. Ученый Вамбери, зная, что въ дворцовой константинопольской библіотекѣ хранится и библіотека венгерскаго короля Матѳея Корвина, захваченная турками въ XVI вѣкѣ, испросилъ у султана позволеніе взять для венгерской выставки нѣкоторыя рукописи съ подписями этого короля; выданныя ему рукописи (до 10) и теперь не возвращены и хранятся въ Пештѣ. По сообщенію одного образованнаго пожилого турка, во время русско-турецкой войны 1828—1829 года завѣдующій дворцовой библіотекою, изъ опасенія завоеванія Константинополя русскими, спустилъ въ находящуюся около библіотеки цистерну много ящиковъ съ рукописями, которые будто бы и понынѣ тамъ остаются. Не удалось проникнуть въ константинопольскую дворцовую библіотеку и ученымъ нѣмцамъ, намѣревавшимся воспользоваться для этого недавнимъ путешествіемъ на востокъ германскаго императора Вильгельма II.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія (изъ давнихъ временъ христіанской церкви). Москва. 1900. Рецензіи: **г. А. Полозова** въ журналѣ «Вѣра и Церковь», 1899, кн. 10, стр. 830—841 и **И. В.** въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1899 годъ, № 51—52, прибавленія, стр. 2155—2157.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. IV. Софія. 1899. Рецензія въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1900, февраль, стр. 798—800.

Архимандритъ Иннокентій. Постриженіе въ монашество. Опытъ историко-литургическаго изслѣдованія обрядовъ и чинопослѣдованій постриженія въ монашество въ греческой и русской церквахъ до XVII в. включительно. Вильна. 1898. Рецензіи: **епископа Антонія** и профессора **В. Нарбекова** въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1900, апрѣль, приложение, стр. 1—12, **г. Н. П.** въ журналѣ «Вѣра и Церковь», 1899, кн. 9, стр. 658—662.

Епископъ Порфирій Успенскій, Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархія. Томъ I. Изданіе Импе-

раторской Академіи Наукъ подъ редакціей Х. М. Лопарева. С.-Петербургъ. 1898. Рецензія **И. Соколова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1900, апрѣль, стр. 312—342, май, стр. 139—167.

Творенія **святаго Ипполита**, епископа римскаго, въ русскомъ переводѣ. Выпуски 1 и 2. Изданіе Казанской Духовной Академіи. Казань. 1898—1899. Рецензія г. **И. Евсѣева** въ «Христіанскомъ Читеніи», 1900, апрѣль, стр. 691—695.

Е. А. Не должно страшиться смерти. Разсужденіе греческаго богослова XIV вѣка **Димитрія Кидонскаго**. Переводъ съ греческаго. С.-Петербургъ. 1900. Рецензія въ богословско-апологетическомъ журналѣ «Вѣра и Церковь», 1900, № 1, стр. 135—136.

Творенія **Оригена**, учителя александрійскаго, въ русскомъ переводѣ. Выпускъ 1. О началахъ. Изданіе Казанской Духовной Академіи. Казань. 1899. Рецензія г. **А. П.** въ журналѣ «Вѣра и Церковь», 1900, книга 2, стр. 297—302.

Архимандритъ Палладій, **Святый Пахомій Великій** и первое иноческое общежитіе. По новооткрытымъ коптскимъ документамъ. Очеркъ изъ исторіи пастырства въ монастыряхъ. Казань. 1899. Рецензія г. **Н. П.** тамъ же, 1899, кн. 9, стр. 658—662.

Михаилъ Чельцовъ, Церковь королевства сербскаго со времени приобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). С.-Петербургъ. 1899. Рецензіи гг. профессора **И. С. Бердникова** и доцента **В. Керенскаго** въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1900, мартъ, приложенія 7 и 8.

А. Кремлевскій, Исторія пелагіанства и пелагіанская доктрина. Опытъ изслѣдованія. Казань. 1899. Рецензіи гг. профессоровъ **Ө. А. Курганова** и **Л. Писарева** тамъ же, приложенія 9 и 10.

А. Пономаревъ, Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпуски I—IV. С.-Петербургъ. 1894—1899. Рецензія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1900, № 10, прибавленія, стр. 397—398.

Творенія **святаго Иринея**, епископа Лионскаго. Изданы въ русскомъ переводѣ протоіереемъ **П. Преображенскимъ**. Изданіе второе. Москва. 1900. Рецензія г. **Н. Заозерскаго** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1900, № 11, прибавленія, стр. 447—448.

Епископъ Арсеній, Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1898 года. Изданіе третье, С.-Петербургъ. 1900. Рецензія тамъ же, стр. 448.

Александръ Аннинскій, Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса. 1899. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1900, апрѣль, стр. 311—313.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XVI. Тифлисъ. 1899, Рецензія г. **А. Хаханова** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1900, май, стр. 681—682.

М. Джанашвили, Царица Тамара. Съ обзоромъ грузинской исторіи

и литературы до эпохи Тамары. Тифлисъ. 1900. Рецензія г. А. Хаханова тамъ же, стр. 682—683.

Епископъ Кирионъ, Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Тифлисъ. 1899. Рецензія г. А. Хаханова въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1900, май, стр. 683—684.

Епископъ Арсеній, Житіе и подвиги святой Теодоры Солунской. Греческій текстъ и русскій переводъ. Юрьевъ. 1899. Рецензія г. В. въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1900, № 24, прибавленія, стр. 971—973.

А. П. Лебедевъ, Церковная историографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го по XX-й вѣкъ. Москва. 1898. Рецензія протоіерея **І. Я. Образцова** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1900, № 25, прибавленія, стр. 1007—1013.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«*Byzantinische Zeitschrift*», herausgegeben von *K. Krumbacher*, IX Band, Heft 1 u 2—3.

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—188, 337—491) помѣщены слѣдующія изслѣдованія:

Ch. Diehl, *Les études byzantines en France* (стр. 1—13). — Сжатый, но весьма содержательный и живо написанный очеркъ исторіи византиновѣдѣнія во Франціи, начиная отъ Дюканжа и парижскаго *Congrus'a* византийскихъ историковъ и кончая учрежденіемъ въ Сорбоннѣ курса византийской исторіи (29 Іюля 1899). Авторъ рисуетъ, какъ грандіозный фундаментъ всей научной отрасли, заложенный во Франціи Дюканжемъ, Мэмбуромъ, Бандури, Лекіеномъ, былъ заброшенъ въ той же самой Франціи, благодаря отношенію къ Византіи «просвѣщенія» (Вольтеръ и Монтескье произвели, такъ сказать, Лебо, увидѣвшаго въ Византіи лишь «un Bas-Empire»); далѣе, какъ съ сороковыхъ годовъ, благодаря работамъ славянскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, возобновились во Франціи занятія Византіей; во главѣ этого современнаго движенія авторъ ставитъ Рамбо и Шлюмберже.

Fr. Diekamp, *Der Mönch und Presbyter Georgios* (стр. 14—51). Авторъ напечаталъ (по *Vatic. graec. 2210*) и изслѣдовалъ тексты трехъ произведеній нѣкоего монаха и пресвитера Георгія, VII вѣка: изъ главъ къ Епифанію о ересяхъ (объ Оригенѣ, Аполлинаріи, Несторіи и Павлѣ Самосатскомъ и о мессалианахъ), о расчетѣ пасхалии, и на весьма близкую къ послѣдней тему — *περὶ τοῦ τριῶν πόλων ἡλίου καὶ σελήνης καὶ ἰνδικτιῶνος* (истолкованіе пасхальной таблицы, которой однако въ рукописи не хватаетъ). Въ примѣчаніяхъ къ первой статьѣ указано отношеніе извѣстій Георгія къ другимъ даннымъ этого рода (Епифанію, Теодориту, Іоанну Дамаскину и позднѣйшимъ: Никитѣ Акоминату, Евѳимію Зига-